
К.Е.
Любовь, купленная с рук
Hey There, Deva

К. Е.

Любовь, купленная с рук

https://litres.ru/74731738
SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника — девушка с синдромом отличницы — заканчивает университет, работает баристой и копит родительские переводы на отдельном счёте: не из скупости, а чтобы однажды вернуть их родителям. Всё меняется, когда она заводит белого котёнка Плюша и знакомится с его временным хозяином Артёмом — человеком без расписания, с мотоциклом, её полной противоположностью.

Постепенно Ника учится называть цену своим рисункам, откликаться на вакансии и принимать заботу, не превращая её в долг.

Содержание

Глава 1. Две четвёрки 5
Глава 2. Белый мальчик 33
Глава 3. Условный выходной 50
Глава 4. Черновик 83
Глава 5. Мелом по доске 110
Глава 6. Отправить 138
Глава 7. Условия 164
Глава 8. Фотографии без повода 183
Конец ознакомительного фрагмента. 187

К. Е.

Любовь, купленная с рук

К.Е.

ЛЮБОВЬ, КУПЛЕННАЯ С РУК

Глава 1. Две четвёрки

Когда на экране рядом с моей фамилией появились две четвёрки, я решила, что это ошибка.

Не потому, что ждала одних пятёрок. Просто до этого в ведомости стояли пятёрки, а потом вдруг — две четвёрки подряд. Я обновила страницу, вышла из личного кабинета и зашла снова. Цифры остались на месте.

— Ну что там? — спросила Лера, заглянув через плечо.

— Ничего.

Она выпрямилась, посмотрела на экран и фыркнула:

— Ника, это не «ничего». Это диплом.

— Не красный.

— Обычный диплом. Тоже бумага. Очень нужная бумага, между прочим.

Лера говорила громко, потому что в коридоре университета и без неё было шумно. Кто-то обнимался у окна, кто-то снимал сторис на фоне стенда с расписанием, а из открытой аудитории доносились голоса преподавателей. В соседнем коридоре уже выкатывали столы для выпускного чаепития. На одном лежали коробки с пирожными, на другом — стопка пластиковых стаканчиков.

Я закрыла страницу с оценками.

— Я могла лучше.

Лера сунула мне в руки бумажную розетку на булавке.

На ней маркером было написано: «Выпускница». Буквы расплылись на сгибах.

— Надень. И улыбнись. Сегодня нельзя расстраиваться из-за оценок.

— А завтра можно?

— Завтра — сколько угодно. Сегодня я не дам тебе.

Она защёлкнула булавку на ткани моего платья и отступила, оценивая результат. Платье было тёмно-синим, простым, с коротким рукавом. Я купила его ещё в апреле, потом три недели сомневалась, не слишком ли оно нарядное для университета. Утром пыталась скрыть круги под глазами консилером, но он лёг полосками, и пришлось смыть. Потом я испачкала тушью веко, потеряла одну серёжку и всё равно пришла за сорок минут до начала.

Лера заглянула в зеркало у гардероба.

— Ты опять всё успела заранее.

— Я не хотела опаздывать.

— Ты никогда не опаздываешь.

— Один раз опоздала.

— На три минуты. В первый год. Потому что автобус сломался.

— Всё равно опоздала.

Она взяла меня под локоть и потянула к залу.

— Пошли, пока ты не начала перечислять все свои жизненные провалы.

В зале уже заняли почти все места. Родители сидели в пер-

вых рядах, студенты — дальше, рядом с проходами. Мама заметила меня и подняла руку. Папа фотографировал кого-то на телефон, пока мама не ткнула его в бок. Он обернулся, помахал мне обеими руками и чуть не уронил телефон.

Я улыбнулась им. Лера села рядом. Сначала мы выслушали речь декана, потом — речь преподавателя, который сказал, что окончание университета не означает окончания учёбы. Я пыталась слушать, но взгляд возвращался к маме. Она смотрела на меня так, как смотрела на школьных концертах: будто я вот-вот выйду на сцену и забуду слова, хотя я ни разу их не забывала.

Когда назвали мою фамилию, я встала слишком быстро и задела коленом стул. Лера едва слышно хихикнула. Я дошла до сцены, пожала руку декану, взяла диплом и повернулась к фотографу. Вспышка ослепила меня на секунду.

Пока возвращалась на место, бумага в папке показалась удивительно лёгкой. Четыре года — и несколько листов под картонной обложкой.

После официальной части начались фотографии. Мама поправляла мне волосы. Папа просил встать «чуть левее, там свет хороший», потом — «чуть правее». Лера делала снимки на телефон и комментировала каждый:

— Здесь ты моргнула. Здесь у тебя лицо, будто ты сдаёшь экзамен. А тут прилично, оставим.

— Отдай, — сказала я, протягивая руку за телефоном.

— Даже не думай. Сначала отправлю тебе нормальные.

— Я сама выберу.

— Ты выберешь одну, где стоишь по стойке смирно, и неделю будешь проверять, не криво ли у тебя плечо.

— Это неправда.

Лера прищурилась.

— У тебя сейчас плечо ровно так и стоит.

Она всё-таки дала мне телефон. На снимке я улыбалась не слишком широко, а за моей спиной мама держала папку с цветами и выглядела счастливее меня.

— Хорошая, — сказала я.

— Отличная.

— Просто хорошая.

Я вернула ей телефон.

В кафе при университете поставили столы с пирогами, фруктами и напитками. Мама усадила меня рядом и стала спрашивать, что я буду есть. Я взяла кусок яблочного пирога, хотя сначала хотела отказаться. Потом всё-таки съела его целиком.

Папа поднял стакан с соком:

— За Нику. За то, что справилась.

— За нас, — поправила мама. — Мы тоже справились.

— Мам.

— Что? Я четыре года проверяла, не забыла ли ты поесть.

— Ты спрашивала об этом каждую неделю.

— Значит, работало.

Папа чокнулся со мной стаканом.

— Ну что, теперь можно отдохнуть?

Я посмотрела на них обоих.

— Я же продолжаю работать.

— Я не про кофейню. Я про то, что можно не учиться до ночи, — сказала мама.

— Я и так не каждый день училась до ночи.

Она посмотрела на меня.

— Ника.

— Ну, не всегда.

За столом засмеялись. Я тоже улыбнулась, но подумала о двух четвёрках. Одна была за экзамен, к которому я готовилась неделю и всё равно перепутала два термина. Вторая — за дипломный проект. Я знала, где недоработала. Могла раньше попросить преподавателя посмотреть черновик. Могла не брать дополнительные смены в апреле. Могла начать исследование раньше.

Список «могла» был длиннее списка «сделала». Лера отодвинула тарелку и наклонилась ко мне:

— Слушай, никто не будет ходить за тобой с лупой и искать две четвёрки.

— Я не про людей.

— А про кого?

Я пожала плечами. Объяснить это было трудно. Мне хотелось закончить хорошо. Не просто закончить — это я и так умела. Хотелось доказать себе, что всё сделала правильно, что не зря четыре года вставала затемно, ездила на пары, ра-

ботала после учёбы и по ночам доделывала проекты.

Доказательство получилось с двумя помарками.

После чаепития мы вышли во двор. Кто-то из однокурсников принёс колонку, и возле входа включили музыку. Группа девушек фотографировалась с букетами, парни подбрасывали вверх шапочки, которых у нас не было. Лера обняла меня за плечи.

— Ника, ты же теперь свободна!

— От чего?

— От семинаров, дедлайнов, зачётов. От всего.

— От работы я не свободна.

— Да я про остальное.

Я посмотрела на университетские окна. В одном кто-то двигал стул по полу. Звук донёсся даже до улицы — длинный скрип, от которого свело зубы. Свободна. Наверное.

Мама с папой уехали домой раньше нас. Они звали меня с собой, но я пообещала заглянуть в кофейню: там оставалась Лера, и мы собирались выпить по чашке кофе. Я всё равно не могла засидеться. На следующий день у меня была смена, а перед ней нужно было купить продукты и отнести бумаги в офис, где я подрабатывала в последние недели.

Лера выслушала список и сказала:

— Ты закончила университет. Сегодня можно ничего не планировать.

— У меня план уже есть.

— Конечно, есть.

Мы дошли до кофейни на соседней улице. Я работала там почти четыре года. Сначала брала короткие смены по выходным, потом стала выходить несколько раз в неделю. Денег хватало на свои расходы, и немного оставалось от тех, что родители присылали. Я складывала остаток отдельно. Не тратила. В какой-то момент решила, что верну всё, когда окончу университет.

Сумма росла медленно, но росла.

Папа однажды сказал, что деньги не нужно возвращать. Мама добавила, что это была помощь, а не долг. Я улыбнулась и перевела разговор на другое. Если я пользовалась их деньгами, значит, когда-нибудь должна была отдать. Мне было неловко жить на их счёт, особенно после того, как они подарили мне квартиру.

Квартира была небольшая, однокомнатная, в доме с лифтом, который иногда останавливался между этажами. Родители оформили её на меня перед поступлением. Тогда мама сказала, что так мне будет проще учиться и работать. Я до сих пор не знала, как отвечать на слово «подарили». Благодарила, конечно. Но внутри всё равно держала счёт.

В кофейне Лера заказала капучино, а я — чай. Она уставилась на меня.

— Ты сегодня в выпускном платье и пьёшь чай?

— Кофе у меня был на смене.

— Ты говоришь так, будто тебя заставили.

— Я сама его пила.

— Тогда справедливость восстановлена.

Она рассказывала про поездку к сестре, а я кивала и мешала чай ложечкой. Сахар растворился давно, но я продолжала размешивать, пока Лера не накрыла ладонью блюдце.

— Всё. Чай уже не станет слаще.

Я положила ложку.

— Я задумалась.

— О четвёрках?

— Нет.

Она приподняла бровь.

— Ну, немного.

— Ты сделала всё, что могла.

— Не всё.

— Ника.

— Я могла раньше начать дипломную работу.

— Могла. А ещё могла заболеть, сломать руку или переехать на другой конец страны. Случилось то, что случилось. Ты сдала. Тебе выдали диплом. Можно перестать себя доедать.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Волосы у виска растрепались, розетка на платье съехала набок. Я сняла её и положила на стол.

Лера откинулась на спинку стула. За окном кто-то парковался, сдавая назад так долго, что успел собрать небольшую очередь из машин. Водитель высунулся из окна, махнул рукой человеку на тротуаре и наконец втиснулся между двумя

автомобилями.

— Ты так и будешь работать в кофейне? — спросила Лера.

Я посмотрела на неё.

— А что?

— Ничего. Просто ты столько говорила, что хочешь рисовать. Я подумала, после защиты ты начнёшь искать работу.

— Начну.

— Когда?

— Скоро.

— «Скоро» — это когда?

Я взяла чашку, хотя чай уже остыл.

— Когда разберу дела.

— Какие дела? Университет закончился.

— Остались смены. Нужно отнести документы. Ещё квартиру прибрать. И у меня накопились рисунки, которые надо довести до конца.

— То есть ты сначала закончишь все дела, а потом начнёшь искать работу?

— Я не говорила «все».

— Ника, у тебя всегда есть ещё одно дело. Ты после пар шла в кофейню, перед сменой успевала забежать домой, после смены садилась за задания. Если оставалось полчаса, ты умудрялась помыть пол.

— Там был грязный пол.

— Конечно. Он специально пачкался к твоему приходу.

Я усмехнулась, но плечи всё равно поднялись. Лера не

ошибалась, и оттого хотелось спорить.

— Я не могу просто перестать работать. Мне нужно на что-то жить.

— Я не сказала бросить кофейню. Я спросила про рисунки.

— Я знаю.

— И ещё ты можешь не возвращать родителям деньги.

Вот это я услышала особенно отчётливо. В кафе звякнула посуда, бариста за стойкой позвал чей-то заказ, по стене проползла тень от проезжающего автобуса.

— Они не брали меня в долг, — сказала я.

— Тем более.

— Я сама решила отложить. Это мои деньги.

— Твои. Можешь оставить их себе.

— Я и оставлю. Пока.

Лера не стала продолжать. Она знала, что если я произнесла «пока», значит, разговор уже закрыт, хотя я и сама не понимала, на сколько времени.

— Я не доедаю себя.

— Тогда что ты делаешь?

— Думаю.

— Вот именно.

Когда Лера ушла, я допила чай и проверила рабочий чат. Оля прислала расписание на следующую неделю. Там было четыре смены, одна из них — в субботу с утра. Я ответила, что всё подходит, хотя собиралась попросить выходной

после выпускного. Не потому, что мне обязательно нужны были дополнительные деньги. Просто смена уже стояла, и я могла её взять.

В приложении банка было два счёта. На основном — то, что я заработала. На накопительном — родительские переводы, которые не потратила за четыре года. Я открыла второй, посмотрела на сумму и закрыла. Она была больше, чем год назад, но всё ещё меньше, чем мне хотелось вернуть.

Я вспомнила, как мама присылала деньги перед началом семестра: «На еду и проезд, не спорь». Я тогда ответила, что справлюсь сама. Мама написала: «Ты и так справляешься. Это не экзамен». Я всё равно брала только небольшую часть, а остальное переводила на отдельный счёт.

На следующий день папа спросил, почему я не купила себе зимние ботинки, хотя старые уже промокали. Я сказала, что нашла хорошие со скидкой. Это была правда, только скидка была не такая уж хорошая. Остальные деньги я тоже отложила.

Я не считала это обидой на родителей. Они никогда не напоминали о помощи, не спрашивали, сколько я потратила. Мама могла привезти контейнер с едой и уехать, не заходя дальше прихожей. Папа чинил кран, не превращая это в разговор о том, что квартиру они купили. Они просто заботились. Я же каждый раз искала способ сделать заботу взаимной, чтобы не чувствовать себя должницей.

Лера допила кофе и посмотрела на часы.

— Мне пора. Завтра с утра к бабушке, а она обещала заставить меня разобрать шкаф. Если не приеду, сама привезёт вещи ко мне.

Мы обнялись у входа. Она поцеловала меня в щёку и ушла к остановке, а я задержалась, чтобы допить чай. Потом дошла до дома пешком. Дорога заняла двадцать минут. Возле магазина я вспомнила, что дома закончились яйца, но решила зайти утром.

В квартире было тихо. Я поставила туфли у двери, повесила платье на плечики и убрала его в шкаф. Розетку положила на стол. Потом достала диплом из папки и положила рядом. Несколько секунд смотрела на него, ожидая, что появится чувство, которое полагалось испытать в такой день. Гордость? Облегчение? Хоть что-нибудь большое и ясное.

Вместо этого я вспомнила, что не вынесла мусор.

На кухне я поставила чайник и открыла окно. Во дворе ругались двое мальчишек. Один катил самокат, другой шёл рядом и держал в руках пакет из магазина. На подоконнике лежала забытая кем-то листовка о доставке еды.

Я вынесла мусор, помыла чашку и протёрла стол. Потом вернулась к диплому и убрала его в нижний ящик комода. Рядом лежали старые конспекты, черновики и папка с рисунками. Я собиралась разобрать их ещё в феврале, потом в мае, потом после защиты. Теперь у меня действительно появилось свободное время.

Я вытащила папку. На верхнем листе был набросок де-

вушки в длинном свитере, с кружкой в руках. Я нарисовала её прошлой зимой на паре, слушая преподавателя вполуха. На следующем листе был интерьер кофейни, где работала Лера. Потом несколько иллюстраций к детской истории, которую я так и не закончила.

На рисунках было много недочётов. Неровные линии, неудачные тени, рука у девушки с кружкой выглядела странно. Но всё равно я любила их больше, чем многие свои оценки. Телефон завибрировал. Мама прислала фотографию с выпускного: папа обнимал меня за плечи, я держала букет и моргала от солнца.

«Мы тобой гордимся. Отдыхай сегодня».

Я ответила сердечком. Написала: «Спасибо. Уже дома». Хотела добавить, что всё прошло хорошо, но стёрла. Не потому, что это было неправдой. Просто сообщение выглядело так, будто я отчитываюсь.

На холодильнике висел список дел на завтра. Я написала его утром: купить яйца, отнести бумаги, забрать форму из прачечной, проверить расписание смен. Внизу оставалось место. Я взяла маркер и написала: «Посмотреть объявления о котятах».

Остановилась. Потом зачеркнула.

Нелепо. Я даже не знала, когда смогу завести кота. Работа, расходы, поездки к ветеринару, ответственность. Мама говорила, что с животным нужно быть готовой к любым неожиданностям. Папа поддерживал её, хотя сам в детстве хотел

собаку и до сих пор при встрече с чужими псами становился разговорчивее обычного.

Я знала всё это. Перечитала статьи о прививках, кормлении, переносках и лотках. Сохраняла объявления, хотя ни разу никому не написала. Каждый раз находила причину подождать: сначала закончить семестр, потом защитить диплом, потом накопить ещё немного, потом понять, где буду работать дальше.

Теперь семестр закончился. Диплом я защитила. Деньги лежали на отдельном счёте, но были отложены не на кота, а для родителей. Работа оставалась. Квартира была. А свободного времени, если верить Лере, стало больше.

Я сняла магнит с холодильника, стёрла зачёркнутые слова и написала снова, крупнее: «Посмотреть объявления о котятах». На этот раз не зачеркнула.

* * *

Утром я проснулась раньше будильника. Минут десять лежала, глядя на полоску света над занавеской и пытаясь вспомнить, какой сегодня день. Потом увидела дипломную папку на комоде и вспомнила.

Выпускной был вчера. Университет закончен. Работы по специальности у меня не было. На смену в кофейню — к одиннадцати. Я села, нащупала тапочки и пошла на кухню. В списке на холодильнике первым пунктом стояли яйца. Рядом, чуть ниже, — котята.

Яйца я купила в магазине по дороге домой. Объявления о котятах открывать не стала.

Сначала умылась. Потом поставила чайник. Потом протёрла раковину, потому что на ней осталась капля от вчерашней чашки. Когда вода закипела, сделала чай и включила телефон. Пальцы сами нашли браузер. Я ввела «отдам котёнка белого» и сразу получила несколько сотен результатов. Закрыла страницу. Открыла снова и добавила город.

Первые объявления были короткие: «Котята в добрые руки», «Отдам срочно», «Малыши ищут дом». На одной фотографии котёнок сидел в картонной коробке с надписью от доставки пиццы. На другой — три кота лежали на старом пледе, и было непонятно, кто из них белый, а кто серый.

Я листала медленно. Хотелось найти не просто белого котёнка. Хотелось понять, что с ним всё в порядке, что его отдают не потому, что он наскучил, и что у меня есть шанс не испортить ему жизнь. Я знала, что это невозможно понять по фотографии. Всё равно старалась.

Под одним объявлением было написано: «Белый мальчик, около трёх месяцев. Ищет ответственных хозяев. Отдаётся бесплатно. Есть лоток, ест сам». На снимке котёнок сидел на подоконнике, отвернув голову от камеры. Одно ухо торчало, другое было чуть прижато. За ним виднелась занавеска в мелкий зелёный цветок.

Я увеличила фотографию. Котёнок посмотрел прямо в объектив. У него были голубые глаза, а на носу — крошеч-

ное тёмное пятнышко, похожее на точку от карандаша.

Я открыла переписку и написала: «Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, котёнок ещё ищет дом?» Потом прочитала сообщение, убрала «пожалуйста», вернула обратно, добавила «я готова приехать познакомиться». Стерла «готова». Написала: «Хотела бы приехать посмотреть».

Ответ пришёл не сразу. Я успела вымыть чашку, собрать волосы и проверить время. До смены оставалось два с половиной часа.

«Здравствуйте. Да, ищет. Можете завтра приехать после обеда. Он очень контактный».

Я прочитала ответ два раза. Потом написала: «Спасибо. Мне удобно. Во сколько лучше?»

«После двух. Адрес скину ближе к делу. Вы раньше держали кошек?»

Вот здесь я зависла. Можно было написать, что нет. Можно было добавить, что я изучила уход и готова. Но это выглядело так, будто я пришла на собеседование и стараюсь понравиться.

«Нет, раньше не было. Но я давно хочу завести кота и много читала об уходе. Если вы не против, я задам несколько вопросов при встрече».

«Конечно. Лучше всё обсудить лично».

Я поставила телефон на стол и посмотрела на чай. Он остыл. Я забыла про него, пока подбирала формулировки, как будто одно неудачное слово могло лишить меня котён-

ка. Лера позвонила ровно в тот момент, когда я собиралась выходить.

— Ты уже на работе?

— Выйду через пять минут.

— Отлично. Скажи, что ты вчера вечером сделала.

Я посмотрела на холодильник.

— Ничего особенного.

— Ника.

— Я нашла объявление о котёнке.

— И?

— Написала человеку. Завтра еду смотреть.

На том конце повисла короткая пауза, потом Лера взвизгнула так, что я отодвинула телефон от уха.

— Ты едешь за котом!

— Я еду посмотреть.

— Все так говорят. А потом покупают переноску и называют его Плюш.

— Я не собираюсь заранее выбирать имя.

— Хорошо. Тогда выберешь после того, как он сам сядет тебе на голову.

— Он не сядет мне на голову.

— Ты уже защищаешь его. Всё, я поняла. Кот твой.

Я натянула куртку и проверила, выключен ли чайник.

— Я пока просто еду знакомиться.

— Конечно. А я просто на минутку заеду к бабушке и случайно привезу домой её шкаф.

Лера рассмеялась, сказала, что пришлёт мне список хороших ветеринарных клиник, и отключилась.

На работе я несколько раз открывала переписку. Хозяин котёнка пока не прислал адрес, и я не хотела торопить его. В перерыве спросила у Леры, сколько обычно стоит первичный осмотр. Она отправила три ссылки и голосовое сообщение на минуту сорок, в котором успела рассказать про своего двоюродного брата, кошку его бывшей девушки и клинику, куда они ездили ночью.

— Сначала познакомься, — сказала администратор Оля, когда я пересказала ей часть рассказа. — А то ты уже мысленно записалась к ветеринару раньше, чем кот у тебя появился.

— Я просто хочу всё подготовить.

— Понимаю. Но домой-то он сегодня не едет?

— Не знаю.

— Вот. Значит, успеешь.

Я кивнула, но после смены всё равно зашла в зоомагазин. Не покупать. Просто посмотреть, что там есть и сколько стоит. Это, по крайней мере, я себе сказала у входа.

Внутри пахло кормом и резиной. У двери стоял стенд с переносками, игрушками и когтеточками. Я взяла одну переноску, проверила защёлку, поставила обратно и взяла другую. Потом сравнила размеры. На телефоне открыла заметку: «Минимум: переноска, лоток, наполнитель, миски, когтеточка, корм по рекомендации прежнего хозяина».

Внизу уже была новая строка: «Плед».

Я закрыла заметку. До завтра оставалось меньше суток. У меня был адрес, но не было ещё ничего — ни переноски, ни мисок, ни решения, как быстро и без стресса привезти котёнка домой. Я подошла к продавцу и спросила, какая переноска подойдёт для котёнка примерно трёх месяцев.

— А вы его уже забираете? — спросила девушка за кассой.

— Пока еду знакомиться.

— Тогда лучше не спешите с кормом. Узнайте, чем его кормили. А переноску возьмите жёсткую, с надёжной дверцей. Врач потом подскажет, что ещё понадобится.

Я кивнула и купила переноску.

Она оказалась легче, чем выглядела. Я несла её домой за ручку и думала о том, что можно просто вернуть, если встреча не сложится. В прихожей поставила переноску рядом с обувницей. Потом переставила на полку, чтобы не мешала. Через минуту вернула на пол. На полке она смотрелась странно.

Перед сном я ещё раз открыла фотографию. Белый котёнок на подоконнике смотрел в сторону, и его ухо опять торчало. Я не стала увеличивать снимок. Просто положила телефон на тумбочку экраном вниз.

Позже я набрала мамин номер. Она ответила не сразу: на фоне шумела вода.

— Я не вовремя?

— Нет, я только посуду мою. Ты как? Голова не болит после вчерашнего?

— Я выпила один бокал шампанского.

— Ты ещё и пирог съела.

— Мам, это было вчера.

— Вот я и спрашиваю про сегодня.

Я села на край стула. Хотела сказать, что нашла объявление, но не стала. Сначала надо было хотя бы увидеть котёнка. Сказать родителям, а потом отказаться было бы глупо. Хотя они не запрещали мне заводить животных. Мама только предупреждала, что кот — не игрушка и что мне придётся самой отвечать за его здоровье.

— Я завтра поеду по делам, — сказала я.

— Каким?

— Пока не знаю. Сначала надо посмотреть.

Мама коротко засмеялась.

— Ты даже на прогулку собираешься как на собеседование.

— Я просто хотела уточнить, не будете ли вы завтра заезжать.

— Нет. А что?

— Да так. Вдруг.

— Ника, если у тебя что-то случится, ты можешь позвонить. Не обязательно придумывать повод.

— Я знаю.

— Хорошо. Заедь к нам на неделе, папа купил черешню.

Я пообещала. После разговора постояла в прихожей, придерживая телефон у уха, хотя звонок уже закончился. На кухне осталась чашка с остывшим чаем. Я поставила её в раковину и вернулась к поиску маршрута до зоомагазина.

Лера прислала фото бабушкиного шкафа, забитого коробками и покрывалами. «Если не вернусь — ты знаешь, кто виноват», написала она. Я отправила ей фотографию переноски у двери.

«Это что?»

«Переноска».

«Ты купила переноску до знакомства?»

«Я могу вернуть».

«Ника, я просто уточнила».

Я усмехнулась. Лера прислала стикер с котом, который держался лапами за голову. Я поставила реакцию и убрала телефон. Потом всё-таки открыла переписку с хозяином и написала: «Я завтра приеду с переноской. Если решим, что котёнок поедет со мной, нужно ли взять что-нибудь ещё?»

Ответ пришёл почти сразу: «Нет, только переноску. Корм дам на первое время».

Я набрала «спасибо», отправила и пошла проверять защёлку. Она закрывалась с громким щелчком. Я открыла дверцу и закрыла ещё раз. Котёнок этого не слышал, но мне хотелось, чтобы завтра всё сработало.

* * *

В зоомагазин я вернулась после завтрака. План был простой: купить лоток, наполнитель и миски. Переноску уже купила. Корм пока не брать, лежанку не брать, игрушки не брать. Всё остальное — позже, если котёнок действительно поедет со мной.

У входа я достала телефон и ещё раз посмотрела список. Потом убрала его, потому что девушка за кассой поздоровалась, а я не хотела выглядеть человеком, который пришёл на экзамен по кошачьим товарам.

Лоток я выбрала быстро. С наполнителем задержалась. На полке стояли пакеты с древесным, комкующимся и силикагелевым. Я прочитала составы, несколько отзывов и короткую памятку, прикреплённую к полке. В итоге взяла древесный: он был знакомым по статьям и, кажется, меньше пылил.

Миски нашлись дальше. Пластиковые были яркие и дешёвые, керамические — тяжёлые, металлические — блестели под лампами. Я вспомнила заметку о том, что миски лучше ставить на подставку, чтобы коту не приходилось низко наклоняться. На полке стояли две подставки, одна из светлого дерева, другая белая, с нарисованными лапками.

Я взяла белую, потом поставила на место. Лапки выглядели слишком по-детски. Деревянная стоила дороже, но была аккуратнее. Я перевернула упаковку, проверила высоту, снова поставила её на полку. Рядом стояла ещё одна, на два сантиметра ниже.

— Вы миски выбираете или мебель? — спросила женщи-

на, выбирая корм.

— Миски.

— Тогда берите те, что коту понравятся.

— Я не знаю, какие ему понравятся.

— Вот и я не знаю, какие нравятся моему. Он ест из одной, а пьёт из лужи на балконе.

Она улыбнулась, взяла пакет корма и ушла к кассе. Я осталась с подставкой в руках. Выбрала деревянную. Потом взяла к ней две керамические миски, хотя на упаковке написано было, что в комплекте уже есть миски. Комплектные были мелкие, а я не хотела через неделю покупать новые.

С когтеточкой вышло хуже. Я хотела взять простую вертикальную, но та шаталась, когда я на неё надавила. Следующая была устойчивее, но стоила почти как половина моей смены. Продавец сказала, что котёнку может понравиться и картонная, а может — угол дивана. Я купила картонную и маленькую верёвочную игрушку с перьями.

«Только необходимое», — напомнила я себе, когда проходила мимо лежанок. Там стояла одна круглая, с мягкими бортиками, белая с серыми звёздами. Я потрогала ткань. Она была приятная. Котёнку, наверное, понравится.

Я положила её в корзину. Потом вспомнила, что он может спать где угодно. Вынула. Прошла несколько шагов. Вернулась и положила обратно.

У кассы получилось три громадных пакета. Продавец предложила коробку, но в неё всё не поместилось. Я отказа-

лась от помощи и вышла на улицу, стараясь не задеть прохожих. Один пакет порвался возле ручки; из него выглянула игрушка с перьями. Я перехватила пакеты поудобнее и пошла домой медленнее, чем обычно.

Корм я не купила. Это была единственная часть первоначального плана, которую я соблюла. Хозяин мог рассказать, чем котёнок питался раньше, а я не собиралась менять ему рацион наугад. Ветеринар тоже мог подсказать, как лучше поступить.

Дома пакеты заняли половину кухни. Я разложила покупки по полу: лоток, наполнитель, миски, подставка, когтеточка, игрушка, лежанка. Потом посмотрела на этот ряд и поняла, что ещё не купила совок, пакетики для уборки и щётку. В телефоне появилась новая заметка.

Лера позвонила по видеосвязи. Я подняла трубку, пока вытирала подставку влажной салфеткой.

— Покажи, что купила.

— Зачем?

— Чтобы потом я не узнала, что ты взяла коту три кровати и маленький гардероб.

Я направила камеру на пакеты.

— Это всё необходимое.

— Лежанка со звёздами — это необходимость?

— Он же должен где-то спать.

— Он будет спать в коробке, в которую привезут наполнитель.

— Тогда зачем я купила лежанку?

— Потому что ты хотела.

Я посмотрела на лежанку. Лера засмеялась.

— Не начинай. Пусть будет. Если кот её не оценит, я заберу.

— Нет. Я отдам её какому-нибудь коту.

— Ты ещё даже не видела своего.

— Не говори «своего». Я просто завтра посмотрю.

— Конечно. Покажи переноску.

Я повернула камеру к прихожей. Лера одобрительно кивнула и спросила, во сколько я собираюсь ехать. Я сказала, что после двух, как договорились. Адрес хозяин обещал прислать ближе к делу.

— И не забудь спросить про прививки, обработку от паразитов и чем кормят, — сказала Лера.

— Я записала.

— Знаю. Ты наверняка записала ещё и спросить, когда он в последний раз чихал.

— Я не записывала это.

— Пока.

После звонка я поставила лоток в ванной, пока пустой, чтобы понять, где он не будет мешать. Оказалось, что мешает везде. У стены он закрывал дверцу шкафа. У стиральной машины мешал открывать люк. Возле туалета занимал слишком много места. Я передвинула корзину с бельём и освободила угол рядом с ванной.

Потом собрала подставку. В инструкции было четыре шага, я всё равно собрала не той стороной. Пришлось открутить и начать сначала. Две керамические миски встали ровно. Я проверила, не качается ли столик. Он не качался.

Пока я насыпала наполнитель в лоток, пришло сообщение с адресом и уточнением: «Если всё сложится, сможете забрать его завтра. Только возьмите переноску». Я ответила: «Возьму. Спасибо». Потом сняла пустой лоток на фото и отправила Лере. Она ответила одним словом: «Мама».

Я написала: «Заткнись», но добавила смеющийся смайлик.

К вечеру квартира стала похожа на пункт выдачи заказов: всё новое, всё в упаковках, ничего пока не использовано. Я ещё раз проверила переноску. Внутри лежал плед, который я достала из шкафа. Не новый, зато мягкий и пах домом. Встречать котёнка с чужими запахами, наверное, и так будет достаточно.

Ложась спать, я поставила будильник на восемь. Потом на восемь десять. Потом вернула на восемь, потому что могла задержаться в душе. Я знала дорогу до адреса, но проверила её дважды. Маршрут показывал сорок минут на автобусе и двадцать пять на такси.

Я закрыла карту. Завтра решу. Пока я складывала упаковки в мусорный пакет, позвонил папа.

— Ты сегодня поздно домой?

— Уже дома.

— Я спрашивал, будешь ли заезжать завтра.

Я на секунду посмотрела на переноску.

— Не получится. У меня встреча.

— Встреча?

— Да. По объявлению.

Папа помолчал.

— По какому объявлению?

— Я пока ничего не решила. Просто еду посмотреть котёнка.

— А-а. Понял. Ты давно хотела.

Я не ожидала, что он скажет это так просто. Ни «подумай», ни «сначала найди работу», ни «ты уверена». Только короткое: «Ты давно хотела».

— Да.

— Ну, тогда посмотри спокойно. Если что, позвони. И маме тоже скажи.

— Скажу.

— Кошки, говорят, характерные. Может, полезно будет иметь дома кого-то, кто не станет слушать твой список дел.

Я улыбнулась.

— Он ещё не согласился жить со мной.

— Сначала спроси его.

Папа попрощался. Я открыла мамин чат и написала: «Завтра еду смотреть котёнка. Пока ничего не решила». Мама ответила почти сразу: «Потом расскажешь. И не забудь спросить про ветеринара».

Я отправила ей большой палец. Это был самый короткий список вопросов, который я получила за весь день.

Потом я разложила покупки по местам. Лоток оказался громоздким, и я передвинула корзину для белья. Миски встали на кухне рядом с холодильником. Подставка не качалась. Я проверила её ладонью, потом ещё раз — уже сильнее. Устойчиво.

На телефоне всё ещё была открыта статья о том, как подготовить квартиру к появлению котёнка. Я прошлась по комнатам и убрала с пола зарядный провод, нитки и несколько резинок для волос. В коробке под кроватью нашлись старые открытки и провода, назначение которых я давно забыла. Я вытащила коробку, отсортировала содержимое и чуть не опоздала на смену.

Перед выходом я снова проверила список. Яйца, бумаги, форма из прачечной — всё сделано. Остался только котёнок. Я перевернула лист и дописала: «съездить посмотреть котёнка». Под ним осталось место, чтобы поставить галочку после встречи.

Глава 2. Белый мальчик

Утром я проснулась до будильника и успела вымыть волосы, приготовить завтрак и ещё раз переставить лоток. Потом заметила, что он всё-таки лучше стоял в первоначальном углу. Вернула обратно.

Адрес хозяин прислал в половине одиннадцатого. Это был дом на другом конце района. Я проверила маршрут, записала номер автобуса и решила ехать на такси: с переноской в автобусе было бы неудобно, даже пустой. До выхода оставалось больше двух часов, и я успела трижды открыть переписку, чтобы убедиться, что договорённость не исчезла.

В такси переноска стояла у моих ног. Плед внутри съехал набок. Я поправила его, потом поняла, что котёнка ещё нет, и оставила как есть.

Номер дома оказался правильный. Дверь в подъезд открыли после звонка. Я поднялась на третий этаж и остановилась перед нужной квартирой, чтобы снять куртку с плеча и переложить переноску в другую руку. За дверью послышались шаги, затем щёлкнул замок.

Открыл молодой мужчина. Он был примерно моего возраста, в чёрной футболке и домашних брюках. Волосы у него торчали в разные стороны, будто он только что проснулся, но на часах было почти три.

— Вероника? — спросил он.

— Да. Здравствуйте.

— Артём. Проходите.

Я сняла обувь и поставила переноску у стены.

— Я сначала хотела спросить… — начала я и тут же остановилась. — Простите, можно я сначала на него посмотрю?

— Конечно. Он в комнате. Только не пугайтесь, он может сразу подойти.

Мы прошли по узкому коридору. В комнате у окна стояла коробка с пледом, рядом — миска и лоток. Котёнка нигде не было. Артём присел и заглянул под диван.

— Плюш, гость пришёл.

Из-под дивана показалась белая лапа, потом ухо и круглая мордочка. Котёнок оглядел нас, вылез и сразу пошёл к моим ногам. Я успела только присесть, как он уже тёрся о колено.

— Вот так он со всеми, — сказал Артём.

Я протянула руку. Котёнок понюхал пальцы, чихнул и забрался ко мне на ладони. Он был легче, чем я ожидала. Тёплый, пушистый, с тёмной точкой на носу. Я подняла его осторожно, прижав к себе. Он не вырывался, только вытянул шею и уткнулся мне под подбородок.

Потом замурлыкал. Я улыбнулась ему в шерсть.

— Кажется, он решил за нас, — сказал Артём.

Я посмотрела на него. Он стоял у дивана, скрестив руки на груди, и улыбался так, что я забыла, какой вопрос собиралась задать первым.

— Я всё равно хочу узнать, как он себя чувствует. Он был

у ветеринара?

— Да, в прошлую неделю. У него есть ветпаспорт. Прививок пока не делали, врач сказал подождать, пока подрастёт. Обработку от глистов провели. Вот документы.

Он принёс из кухни тонкую синюю папку. Я переложила котёнка на одну руку и стала читать записи. Артём не торопил. В паспорте были даты, печати и фамилия клиники. Я спросила, чем котёнка кормят, сколько ему примерно месяцев, приучен ли к лотку. Артём ответил спокойно, без раздражения.

— Он ест влажный корм для котят и сухой понемногу. Я купил большой запас, могу отсыпать на первое время.

— Спасибо. Я не купила корм, потому что хотела сначала уточнить у вас.

— Правильно. Не надо резко менять.

Котёнок выбрался у меня из рук и начал исследовать куртку. Я сняла её и повесила на стул. Артём принёс игрушку с перьями и покачал перед ним. Котёнок тут же забыл про куртку и прыгнул за пером.

— Как его зовут? — спросила я.

— Пока никак. Мы звали его просто котом.

— Он не реагирует на имя?

— На звук пакета реагирует.

Котёнок тем временем вцепился в перо и потащил игрушку к коробке.

— Это у него получается лучше, — сказала я.

Артём засмеялся. Я тоже. Неловкость отступила, и я наконец смогла смотреть на котёнка, не проверяя каждую секунду, правильно ли держу его. Он потоптался на пледе, потом снова пришёл ко мне. Уткнулся в ладонь и замер.

— Он один здесь? — спросила я.

— Сейчас да. До этого с ним была кошка моей сестры, но она уехала к ней. Он остался у меня временно. Я договорился, что найду ему хозяев.

— Вы давно его взяли?

— Месяц назад. Сестра нашла его у подъезда. Он был совсем маленький, слабый. Мы сначала думали, что его кто-то ищет, развесили объявления, но никто не откликнулся.

Артём говорил об этом без драматизма. Я посмотрела на котёнка, который тащил перьевую игрушку к коробке. На белой шерсти у него блестела капля воды — он, кажется, сунул нос в миску.

— Почему вы не оставили его себе?

— Я часто уезжаю. Иногда на несколько дней. А сестра не может забрать обратно: у неё уже две кошки. Он привязался ко мне, но я не хочу, чтобы он сидел один целыми днями.

— Вы часто уезжаете по работе?

— Не только. Мотоциклы, музыка, друзья. — Он пожал плечом. — Короче, я не самый надёжный человек для кота.

— А для людей?

Вопрос выскочил прежде, чем я успела подумать. Артём приподнял брови.

— Это ты сейчас проверяешь меня на ответственность?

— Нет. Просто спросила.

— Для людей я обычно прихожу вовремя, если меня предупредили за день.

— А если за два?

— Тогда за час.

Я тихо засмеялась. Он тоже улыбнулся, и разговор перестал звучать как заполнение анкеты. Я посмотрела на переноску у двери. В ней лежал плед, который уже не казался достаточно мягким.

— Если вы не против, я хотела бы забрать его сегодня.

Артём кивнул. Улыбка у него стала меньше, но не исчезла.

— Я рад, что он поедет к человеку, который заранее купил лоток и, судя по всему, изучил весь интернет.

— Я не весь.

— Ну, это успокаивает.

Он помог уложить корм в пакет и ещё раз рассказал, как котёнок ведёт себя ночью. Я слушала, записывала в заметки и старалась не выглядеть так, будто сейчас попрошу расписаться под каждой строчкой. Когда пришло время сажать Плюша в переноску, он не захотел туда идти. Артём подержал дверцу, а я положила внутрь игрушку.

— Давай, — тихо сказала я.

Котёнок посмотрел на меня, потом заполз внутрь за игрушкой. Я закрыла дверцу. Он мяукнул один раз и замолчал. У порога Артём протянул мне пакет с кормом и документы.

— Напишите, как доедете.

— Хорошо.

— И если что-нибудь будет непонятно — тоже пишите. Даже ночью. Я всё равно обычно поздно ложусь.

Я кивнула. Хотела сказать что-то благодарное и нормальное, но выдала:

— Я буду присылать фотографии.

— Договорились.

В лифте Плюш переступал внутри переноски, царапал пластиковую дверцу и пытался просунуть нос между прутьями. Я присела рядом и заговорила с ним через решётку. До машины он успокоился. В такси я поставила переноску на пол и держала руку на ручке.

— Долго ехать? — спросил водитель.

— Минут двадцать.

— Кот боится?

— Кажется, да.

— Ничего, привыкнет. Мой в детстве в машине орал так, что я однажды на светофоре уступил дорогу автобусу, который даже не сигналил.

Я улыбнулась и посмотрела на переноску.

Дома я поставила её на пол в прихожей и открыла дверцу. Плюш не вышел. Я отошла на кухню, чтобы не нависать над ним. Он появился через минуту, осторожно переступая лапами. Сначала обнюхал обувницу, потом стену, потом подошёл к подставке с мисками.

— Ты ещё даже не видел лоток, — сказала я.

Он прошёл мимо лотка и спрятался под тумбой. Я сняла куртку, убрала пакет с кормом на стол и позвонила в клинику записать его на осмотр. Пока говорила с администратором, из-под тумбы выглянул белый хвост.

— Завтра в четыре? Отлично. Спасибо.

Я положила телефон и села на пол. Плюш снова исчез. Я не стала звать. В квартире было непривычно слышать, как кто-то двигается за пределами моей комнаты. Он шуршал, сопел, иногда царапал картон когтеточки. Я открыла упаковку с кормом, насыпала немного в миску и отошла.

Когда он наконец вышел, я успела сделать фото. Получилось смазанно: Плюш был в движении, а в кадр попала моя нога в домашнем носке. Я всё равно отправила снимок Артёму.

«Доехали. Пока прячется, но уже поел».

Ответ пришёл через несколько минут: «Хорошо. Он быстро освоится. Спасибо, что написали». Я прочитала сообщение и положила телефон экраном вниз. Плюш в этот момент вылез из-под стола, сел рядом со мной и потянулся к шнурку на тапке.

Я оставила ему коридор и кухню, а дверь в спальню прикрыла, чтобы он не забрался за шкаф. Плюш прошёл вдоль стены, остановился у мисок и посмотрел на меня. Я отошла к столу. Он ел не спеша, несколько раз поднимал голову на шум холодильника, потом вернулся к миске.

Когда он закончил, я убрала корм и села на пол возле ванной. Лоток он нашёл сам. Я услышала, как наполнитель тихо шуршит, и не стала заглядывать. Потом Плюш забрался под стул и уснул, положив морду на лапы. Я допила чай уже холодным и перенесла переноску в комнату, оставив дверцу открытой.

Перед сном я проверила окно и убрала с пола зарядку. В списке на завтра появился новый пункт: купить влажный корм той же марки, что дал Артём. Плюш не поднял головы, когда я выключила свет в коридоре. Из комнаты доносилось его ровное сопение.

Утром Плюш разбудил меня тем, что сел на живот и стал разглядывать лицо. Я открыла один глаз. Он наклонил голову, потом спрыгнул и отправился к мискам. На полу не было ни одного перевёрнутого предмета, за ночь он не забрался за шкаф, а лоток выглядел так, будто им пользовались. Я сняла это на телефон и отправила маме. Она ответила: «Ну всё, теперь ты официально кошачья хозяйка». Я написала, что пока ещё учусь. На смену я собралась медленнее, чем обычно: дважды возвращалась проверить воду и оставила Плюшу свободный доступ в комнату, где он уже выбрал себе коробку. Перед выходом он пришёл к двери и сел рядом с ботинком. Я присела, погладила его за ухом и всё-таки закрыла замок.

* * *

Через два дня Плюш уже ходил по квартире так, будто проверял, не поменялось ли что-нибудь за ночь. Он спал в лежанке, которую я купила, потом перебрался в коробку от наполнителя. Я оставила коробку возле дивана. Лежанку передвинула к окну. Плюш посмотрел на неё, понюхал и ушёл спать на мою кофту.

Ветеринар сказал, что котёнок здоров, но нужно следить за питанием и прийти на повторный приём перед прививкой. Я записала даты в календарь, поставила два напоминания и отправила Артёму короткое сообщение: осмотр прошёл нормально, врач всё объяснил.

Он ответил: «Отлично. А Плюш как перенёс дорогу?» Я сфотографировала котёнка в коробке.

«Теперь он считает, что это его дом».

«Разумный парень».

Я улыбнулась и удалила переписку из уведомлений, потому что нужно было идти на смену.

Работа в кофейне не изменилась. Касса зависала в самый неподходящий момент, кофемолка требовала чистки, а один и тот же мужчина каждое утро заказывал латте на овсяном молоке и всё равно спрашивал, есть ли у нас обычное. Я знала, где лежат запасные крышки, сколько времени нужно кофемашине на промывку и какая из трёх ложек для сиропа пропала ещё в прошлом месяце.

Плюш добавил к обычному списку дел утреннее кормление и проверку, не перегрыз ли он зарядку. В первый день

я задержалась у двери, потому что он уснул в прихожей прямо на моих ботинках. Пришлось осторожно их вытащить. На второй день он сел в пустую переноску и не хотел вылезать. На третий — попытался утащить губку для посуды.

— У тебя дома новый сотрудник, — сказала Оля, когда я рассказала ей про губку.

— Он пока не прошёл испытательный срок.

— А кто у него начальник?

— Я, наверное.

— Тогда почему он уже украл инвентарь?

К обеду в кофейне стало людно. Я принимала заказы, выдавала стаканы и протирала столы, когда над дверью звякнул колокольчик. Я не посмотрела сразу — произнесла привычное «Здравствуйте, выбирайте», не отрываясь от кассы.

— А Плюш как? — спросил знакомый голос.

Я подняла глаза. Артём стоял у стойки, сняв куртку и перекинув её через руку.

— Хорошо. Уже не прячется.

— Совсем?

— Когда приходят люди — прячется. Когда никого нет — гоняет по квартире пакет.

— Пакет заслужил?

— Не знаю. Но он его победил.

Артём улыбнулся и посмотрел на меню над кассой.

— Мне кофе с мятным сиропом. И обычный капучино.

— Большой или маленький?

— Большой. Капучино маленький.

Я нажала нужные кнопки. Мятный сироп стоял на нижней полке, и я наклонилась за ним. Когда поставила бутылку на стойку, обнаружила, что смотрю на неё уже несколько секунд.

— Что-то не так? — спросил Артём.

— Нет, всё нормально.

— Я заказал мятный кофе. Это запрещено?

— Нет.

— Тогда почему вы все так смотрите на сироп?

Я моргнула.

— «Вы все» — это кто?

— Ты и твоя коллега. Она тоже посмотрела на меня так, будто я попросил добавить в кофе зубную пасту.

Оля, стоявшая у кофемашины, обернулась:

— Я просто нечасто встречаю людей, которые любят мятный сироп.

— Значит, я редкий вид.

— Почти исчезающий, — сказала я и уже потом поняла, что ответила без подготовки.

Артём тихо рассмеялся. Я добавила сироп, приготовила капучино и назвала сумму. Он приложил карту.

— Не боишься, что тебя запишут в извращенцы за такой заказ? — спросил он.

Я покраснела до ушей.

— Да нет, вы что.

— Тогда всё в порядке.

Он забрал стаканы и сел за стол у окна. Я вернулась к работе, но теперь замечала его всякий раз, когда поднимала голову. Артём не смотрел на меня всё время. Он листал телефон, пил кофе и пару раз разговаривал по нему тихо, отвернувшись к окну.

Когда в зале стало спокойнее, он подошёл к стойке.

— Можно тебя попросить?

Я вытерла руки о полотенце.

— Конечно.

— Дашь номер? Буду присылать вопросы про кота. Ну и фотографии хочу получать. Если ты не против.

Я посмотрела на него, потом на Олю. Она изображала, что занята чашками, но слушала изо всех сил.

— Номер? — переспросила я.

— Чтобы не писать через объявление. Там неудобно.

— Да, конечно.

Я взяла чистый чек и написала номер. Ручка заскрипела на бумаге, и последнюю цифру я обвела дважды. Артём посмотрел на неё, но ничего не сказал.

— Спасибо. Напишу, когда буду дома. Чтобы ты знала, что номер сохранился.

— Хорошо.

Он вернулся к столику, допил кофе и ушёл. Я убрала чек в карман фартука, потом достала и переписала номер в телефон, потому что оставлять его на бумажке было глупо. Когда

Оля проходила мимо, она тихо спросила:

— Это тот самый парень?

— Какой?

— Который отдал тебе кота.

— Да.

— Симпатичный.

— Я не оценивала.

— Конечно.

Вечером, уже дома, я сделала несколько фотографий Плюша. На первой он спал, свернувшись в коробке. На второй смотрел на меня с подоконника. На третьей поймал свой хвост и повернулся так быстро, что изображение вышло размытым.

Я отправила все три Артёму. Он ответил: «Третья — шедевр. Такое чувство, что он сам не понял, что произошло». Я написала: «Он всегда так делает».

«Значит, у него насыщенная жизнь».

Я посмотрела на экран, прикидывая, что ответить. Можно было поставить смайл и закончить разговор. Можно было написать, что сейчас кот спит. Я в итоге отправила ещё одну фотографию: Плюш лежал на моей кофте и держал лапу на рукаве.

Артём поставил сердечко. Я не стала объяснять себе, почему сохранила это сообщение.

В первый раз я отправила ему фото Плюша не в коробке, а на подоконнике: кот следил за птицами и держал хвост в

чашке с водой. Артём написал: «Он так и планировал». Я ответила, что кот не умеет строить планы. В ту же минуту Плюш задел лапой штору, и птицы исчезли из окна. Я сняла его недовольную морду и отправила ещё один снимок.

На следующей неделе Артём пришёл ещё раз. В этот раз он заказал кофе без сиропа и спросил, как Плюш перенёс первый осмотр. Я показала ему фотографию из клиники: котёнок выглядывал из переноски и хмурился на мир.

— Он выглядит так, будто собирается написать жалобу, — сказал Артём.

— Ветеринар взвесил его и посмотрел уши. Жаловаться особо не на что.

— Значит, накопит претензии.

— Буду держать вас в курсе.

Он оплатил заказ и остался у окна. Я думала, что он скоро уйдёт, но посетителей почти не было, и он заговорил с Олей. Они спорили о том, какая музыка лучше подходит для кофейни: тихая или та, которую слышно даже за стойкой. Артём говорил, что хороший плейлист должен быть заметен, Оля возражала, что тогда посетители перестанут разговаривать. Я ставила чашки на сушилку и время от времени вставляла короткое замечание.

Когда Артём уходил, он поднял стакан и сделал вид, что чокается им с кофемашиной.

— До встречи, Ника.

— Пока.

В тот вечер я отправила ему фотографию Плюша, который спал на моих конспектах. Артём ответил: «Он уже учится лучше, чем я». Я набрала: «Это несложно», потом стёрла. Получилось бы грубо. Написала: «Зато он посещает занятия».

«И то не все. Сегодня проспал половину дня».

«Это уважительная причина».

«Передам ему».

Переписка закончилась, когда я поставила телефон на зарядку. Никаких важных признаний, никаких вопросов о том, свободна ли я завтра. Обычный разговор про кота. Я повторила это про себя, пока закрывала шкаф и выключала свет.

На следующий день в кофейню пришёл человек с большой собакой. Пёс остановился у входа и не хотел проходить дальше, пока хозяин не достал из кармана кусочек лакомства. Я смотрела, как они устраиваются у окна, и подумала, что теперь замечаю животных везде: на соседних балконах, в переносках у клиники, на картинках в телефоне. Раньше я тоже видела их, конечно. Просто не запоминала.

После смены я купила Плюшу небольшую мышку из серой ткани. Он погонял её по полу пять минут, потом оставил в миске с водой. Я достала мышку, промокнула бумажным полотенцем и положила сушиться на батарею.

Лера спросила, как дела с тем парнем.

— С каким?

— С владельцем кота.

— Мы переписываемся про Плюша.

— Я ничего другого и не спросила.

Я сложила полотенце и бросила его в корзину.

— Он иногда заходит в кофейню.

— И ты рада?

— Мне всё равно.

— Ясно.

— Что ясно?

— Ничего. Расскажи лучше, как кот.

Я отправила Лере снимок мышки, вымоченной в воде. Она ответила: «Плюш — талант. Ты выбрала себе занятие на ближайшие пятнадцать лет».

Я не стала спорить. Плюш как раз запрыгнул на диван и устроился рядом со мной. Я погладила его по спине, а он потянулся, не открывая глаз. Телефон лежал на столе. Когда экран загорелся от нового сообщения, я посмотрела на него сразу.

Это была мама: «Как кот?» Я сняла короткое видео, как Плюш гоняет мышку по ковру, и отправила ей. Потом переслала то же самое Артёму. Он ответил почти одновременно: «Вижу, он освоил воду. Следующий этап — научить его не ронять стаканы».

Я посмотрела на стакан, который Плюш уже пытался лапой сдвинуть к краю стола.

— Нет, — сказала я.

Кот моргнул и убрал лапу. Стакан остался на месте. Я

сфотографировала его серьёзную морду и отправила Артёму.

«Пока договорились».

Глава 3. Условный выходной

Через три дня Плюш всё-таки уронил стакан.

Не разбил — стакан был пластиковый, из-под йогурта, и я поставила его на стол только потому, что не нашла под рукой другого горшка для рассады базилика. Земля высыпалась на ковёр, вода разлилась по подоконнику, а сам базилик лежал боком, будто решил переехать к соседям.

Плюш сидел рядом. На лапе у него налип кусок грунта.

— Ты мог хотя бы сделать вид, что не виноват, — сказала я.

Он лизнул лапу. Я сфотографировала последствия, отправила Артёму и написала: «Стакан был не настоящий. Но предупреждение принимается». Ответ пришёл сразу: «Я так и думал. Он пока выбирает цели попроще».

Потом он прислал голосовое. В нём слышались шум улицы и короткий гудок машины.

— Ника, я не хотел наговаривать на кота. Просто у меня дома однажды чашка исчезла со стола. Через неделю нашёл её за диваном. Целую. Понятия не имею, как он её туда затащил.

Я нажала запись.

— Плюш пока мелкий. Ему хватило сил только на стакан и базилик.

Остановилась. Прослушала. Голос звучал слишком офи-

циально, как будто я записывала отчёт. Перезаписала, теперь со смешком, и отправила. Артём прислал фотографию кружки, перевёрнутой вверх дном на полу. Рядом на ковре лежал рыжий кот с выражением человека, которого отвлекли от важных дел.

«Это был не мой кот. Кот был у бывшей», — пояснил он следом.

Я набрала «Понятно», но слово выглядело сухо. Добавила: «И чашка выжила?»

«Да. В отличие от отношений».

Я посмотрела на экран. Не знала, шутит ли он. В итоге поставила смеющийся смайлик. Он тоже ничего больше не написал. В кофейне это случилось в пятницу. Я пришла к открытию, а Оля уже стояла у кофемашины и смотрела на неё так, будто та опять объявила забастовку.

— Опять промывка? — спросила я.

— Она промылась. Теперь считает, что заслужила отпуск.

— Ну, мы тоже.

— Не говори при ней. Обидится и сломается окончательно.

Я завязала фартук, включила свет над витриной и вынула из холодильника молоко. На улице шёл мокрый снег, тот самый, который не задерживается на тротуаре, а сразу становится серой кашей. В стекле отражалась я: волосы собраны в хвост, на рукаве белое пятно от зубной пасты. Утром я заметила его уже в прихожей, но менять кофту было некогда.

Плюш как раз решил проверить, зачем нужна молния, и зацепил её когтем.

Первый час прошёл без происшествий. Мужчина с ноутбуком заказал фильтр-кофе и сел у окна; две школьницы делили один чизкейк и шептались над телефоном; курьер забрал заказ, перепутав пакет с чужим. Я успела его окликнуть, пока он не вышел на улицу.

К половине одиннадцатого открылась дверь, и вошёл Артём. Он стряхнул снег с плеч, оглядел зал, заметил меня и поднял руку. Я вытерла ладони о фартук, хотя они были сухими.

— Привет, — сказал он, встав у кассы.

— Здравствуйте. Выбирать будете?

Он посмотрел на меню.

— Что-нибудь, что не уронит стакан на пол.

— У нас всё в бумажных стаканах.

— Тогда что-нибудь безопасное для базилика.

— Базилик уже выжил. Он стойкий.

— В кого?

— В меня, наверное.

Артём улыбнулся, но заказал обычный капучино. Без мяты. Пока я готовила, он снял перчатки и убрал в карман. На правой руке была тонкая царапина — свежая, красная. Я заметила её, когда он протянул карту к терминалу.

— Кот? — спросила я.

Он глянул на руку.

— Нет, коробка. Я сегодня собирал стол. Инструкция утверждала, что всё просто. Инструкция врала.

— Вы его собирали или инструкция собирала вас?

— Пока счёт равный.

Я улыбнулась, поставила чашку на блюдце. Он оплатил, но не отошёл.

— Ты сегодня до скольких?

— До четырёх.

— А потом у тебя планы?

Вопрос был задан обычным тоном. Я всё равно посмотрела на Олю. Она занималась витриной и на нас не смотрела. Наверное, слышала каждое слово.

— Домой. У Плюша прививка через неделю, надо записать его в клинику. И базилик пересадить.

— Звучит серьёзнее моих планов. Я собирался купить стул и отомстить инструкции.

— Удачи.

— Спасибо. Может, выпьем кофе после твоей смены? В другом месте. У нас в кофейне ты стоишь за кассой, и я всё время мешаю тебе работать.

Я взяла салфетку и протёрла стойку, хотя на ней ничего не было.

— Это… встретиться?

— Да. Встретиться. Не обязательно называть это свиданием, если от этого у тебя сейчас включается пожарная сигнализация.

— У меня ничего не включается.

— Тогда просто кофе.

— Но почему сегодня?

— Потому что я сегодня здесь. И потому что ты заканчиваешь в четыре.

На это нечего было ответить. Он не наклонился ко мне через стойку, не стал объяснять, что ему нравится моя улыбка, и не потребовал немедленно выбрать день. Просто ждал, держа чашку двумя пальцами за ручку.

— Я не знаю, — сказала я.

— Ладно. Не обязательно решать прямо сейчас.

— Я же сказала, что не знаю.

— Я услышал. Когда закончишь, напиши. Если передумаешь — никакой проблемы.

Он сел у окна. Я вернулась к заказам, но первые пять минут путала крышки и дважды проверила, закрыла ли кассу после оплаты. Оля подошла за коробкой стаканчиков.

— Ну? — шепнула она.

— Что?

— Ты записала его в подозрительные или всё-таки выпьешь с ним кофе?

— Он предложил просто встретиться.

— Ага. А я просто сейчас заберу эту коробку и не буду ждать продолжения.

— Оль.

— Ника, я молчу. Вот, видишь? Абсолютно молчу.

Она забрала коробку и ушла. У стойки снова образовалась очередь.

Артём сидел минут двадцать. Достал телефон, что-то быстро набрал, посмотрел в окно. Я не замечала, чтобы он всё время проверял, где я. Когда ушёл, оставил чашку на подносе. Я убрала её и обнаружила под блюдцем сложенный чек. На обратной стороне было написано: «Если захочешь — я буду у книжного на углу в четыре десять. Если не захочешь — всё равно желаю удачи с базиликом».

Я убрала чек в карман фартука. Потом вынула. Потом положила рядом с кассой, чтобы не забыть. В конце концов снова убрала в карман.

В половине четвёртого я уже начала думать, что не пойду. Плюш был один дома. Я могла успеть купить ему новые игрушки, посидеть с ноутбуком, разобрать шкаф. В шкафу действительно лежали вещи, которые давно требовали разбора. Ещё нужно было написать Лере насчёт встречи, и мама ждала фотографии диплома в рамке. Я могла придумать пять дел, если постараюсь.

В четыре я надела пальто. Оля посмотрела на меня поверх чашки.

— Иди. Я закрою витрину.

— Ты не обязана.

— Я знаю. Но если ты сейчас начнёшь убирать кофемолку, я сама тебя за дверь вытолкаю.

Я сняла фартук, переоделась в кофте, которую утром ис-

портил Плюш. Пятно с рукава я вытерла влажной салфеткой, но белая отметина осталась. Поменять одежду в подсобке можно было, но там лежал только запасной фартук и свитер с эмблемой кофейни. Я решила, что пятно не такое большое.

У книжного магазина Артёма не было. Я остановилась у витрины, сделала вид, что рассматриваю афиши, и через минуту услышала:

— Ты пришла.

Он стоял у входа, с бумажным пакетом в руке.

— Я закончила смену.

— Это тоже аргумент.

— Ты купил стул?

— Нет. Я купил отвёртку. Стул теперь знает, что у меня есть план.

Мы пошли в небольшую кофейню через квартал. Там было тесно: у окна сидела женщина с коляской, за столом в углу спорили двое студентов, а на стойке лежали булочки с маком, которые крошились даже на расстоянии. Артём предложил мне взять что-нибудь. Я заказала чай, потому что кофе после четырёх обычно мешал мне спать. Он заказал эспрессо и булочку, потом спросил, буду ли я половину. Я отказалась. Через минуту он отломил кусок и положил на салфетку рядом со мной.

— Это не половина, — сказала я.

— Я знаю. Ты откусишь столько, сколько захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда съем сам. У меня надёжный план.

Я всё-таки взяла кусочек, потому что мак уже осыпался на стол.

Сначала мы говорили о Плюше. Артём спросил, сколько он весит, что врач сказал про корм и продолжает ли кот прятаться от гостей. Я рассказала про пакет, мышку и базилик. Он слушал, перебивал только, чтобы уточнить, где именно Плюш уронил стакан. Про бывшую хозяйку его кота я не спрашивала, он сам не возвращался к этой теме.

Потом он спросил, чем я занималась в университете. Я рассказала, что рисовала почти всё свободное время: иллюстрации к сказкам, обложки, иногда портреты знакомых. В портфолио у меня лежали работы, которые я не решалась никому показать. Несколько рисунков были нарисованы ещё на втором курсе, и я всё собиралась переделать их, но так и не решила, что именно в них не так.

— У тебя есть сайт или папка? — спросил Артём.

— Папка. В компьютере. И блокнот дома.

— Почему не сайт?

— Я пока не работаю по специальности.

— А чтобы работать по специальности, нужен сайт?

— Наверное.

— То есть ты не откликалась, потому что нет сайта, а сайта нет, потому что ты не откликаешься?

— Нет. Не совсем.

— А как совсем?

Я подвинула чашку. Чай был слишком горячий, можно было выиграть несколько секунд.

— Я смотрю вакансии. Там почти везде просят опыт. И быстрый темп. И уверенное владение программами, которые я открывала пару раз. Ещё требуют тестовое задание. Я не хочу отправлять слабое.

— А что для тебя слабое?

— То, что я могу сделать лучше.

— Это ответ на другой вопрос.

— Я знаю.

Он не стал спорить. Отрезал кусок булочки и съел, стряхнув мак с рукава.

— Я реп записываю дома, — сказал он. — Иногда трек выходит нормальный, иногда я переслушиваю его наутро и хочу выбросить ноутбук. Но если я буду ждать момента, когда получится идеально, у меня даже плохого трека не будет.

— Ты пишешь рэп?

— Да.

— Я думала, ты просто слушаешь.

— Обычно люди не спрашивают, чем я занимаюсь. А когда спрашивают, я отвечаю. Иногда это помогает.

— Я не говорила, что мне неинтересно.

— Я заметил. Ты слушаешь, когда отвечаешь. Не всегда, но часто.

Я не знала, что сказать. В его голосе не было насмешки,

но похвала всё равно заставила меня посмотреть на чай. На поверхности уже появилась тонкая плёнка.

— Ты много комплиментов делаешь? — спросила я.

— Не особо. У меня обычно на это не хватает терпения.

— Это был комплимент?

— Скорее наблюдение.

— Очень удобно.

— Я стараюсь.

В окно прошёл человек с велосипедом, на руле у него висел пакет с хлебом. Велосипедная цепь скрипела. Артём посмотрел ему вслед, затем снова на меня.

— Ты всегда так много работала? — спросил он.

— Сначала учёба была главной. Потом я устроилась в кофейню. Было проще не брать деньги у родителей.

— Они предлагали?

— Конечно. Они же мои родители.

— И ты откладывала их деньги, чтобы потом вернуть?

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Ты говорила, что не хочешь брать у них деньги. И ещё раньше сказала, что сама всё оплачиваешь. Я сложил два и два.

— Это не так странно.

— Не странно. Просто много усилий ради того, чтобы никто не чувствовал, что тебе помог.

— Я не хотела быть для них обузой.

Слова прозвучали резко. Я сама это услышала. Артём не стал немедленно отвечать. Положил ладони на стол, посмотрел на них, будто прикидывал, трогать ли эту тему дальше.

— Они считают тебя обузой?

— Нет. Они всегда говорили, что помогут. Но квартира уже была подарком. Они оплатили учёбу. Папа хотел ещё и машину купить, когда я начала работать. Это слишком много.

— Ты им сказала, что тебе слишком много?

— Сказала, что не возьму машину.

— Это не то же самое.

Я помолчала. В кофейне над дверью звякнул колокольчик, и вошедший мужчина спросил, можно ли забрать заказ с собой. Бариста назвала номер. Артём отпил эспрессо.

— Я не умею нормально отказывать родителям, — сказала я. — Они и так столько сделали. Я просто хотела показать, что справляюсь сама.

— Получается?

— С чем?

— Со справляюсь.

— В основном.

— Вот это самое скользкое слово.

— Ты всегда задаёшь вопросы, на которые не хочется отвечать?

— Нет. Иногда я молчу.

— Почему не молчишь сейчас?

— Потому что мы сидим в кофейне, и я не знаю, о чём ещё говорить.

— Про базилик.

— Мы уже всё сказали про базилик.

— Он выживет?

— Если я пересажу его завтра.

— Тогда у нас есть тема на будущее.

Я откусила ещё булочки. Это было легче, чем отвечать. Когда мы вышли, снег уже перестал. На дороге блестели длинные лужи, и машины проезжали мимо, оставляя за собой грязные веера. Артём спросил, в какую сторону мне идти.

— На север.

— Конкретно?

— Вот туда.

— А мне на восток. Можем пройти до перекрёстка.

Мы двинулись по тротуару. Он шёл рядом, не подстраиваясь так явно, чтобы это бросалось в глаза, но и не убегал вперёд. На повороте я поскользнулась на мокрой плитке. Артём успел подхватить меня за локоть. Я выпрямилась и сразу убрала руку.

— Спасибо.

— Плитка тоже старалась.

— Она победила.

— Реванш завтра.

У светофора он остановился.

— Спасибо, что пришла.

— Я же сказала, что закончила смену.

— Ты могла закончить смену и пойти домой.

— Да.

— Поэтому спасибо.

Я не нашла ответ, который звучал бы не глупо. Светофор переключился, машины остановились. Мы перешли дорогу и разошлись у магазина: я налево, он прямо. Дома Плюш встретил меня, запутавшись одной лапой в ручке бумажного пакета. Я сняла пальто, присела и осторожно освободила его. Он возмущённо мяукнул, словно виновата была я.

— Тебе нужно перестать искать приключения в пакетах.

Плюш потёрся о мою руку и прошёл к миске. Я налила ему воды, потом вспомнила про базилик. Горшок стоял на подоконнике, земля подсохла. Я пересадила его в керамическое кашпо, которое давно купила для себя, но всё не находила ему применения. Плюш следил за процессом с дивана. Один раз он сунул лапу в пакет с грунтом, и мне пришлось закрыть его зажимом.

Телефон завибрировал, когда я вытирала подоконник. Артём: «Как базилик?» Я сфотографировала горшок. На фоне в кадр попала половина подоконника и Плюш, который внимательно следил за моей рукой.

«Пересажен. Теперь ему нужен период адаптации».

«Как и всем нам».

Я усмехнулась, но ничего не ответила. Потом открыла

папку с рисунками. Там было сто восемьдесят три файла, хотя я помнила, что их около двухсот. Несколько минут я просто листала названия: «девушка_окно_финал», «девушка_окно_финал2», «девушка_окно_финал_точно». Я нашла иллюстрацию с девочкой и огромной белой собакой, которую рисовала для Леры. Там был кривой поводок, зато собака получилась хорошая. Ещё одна работа — обложка для выдуманной книги, где дерево пробивалось сквозь бетонный пол. На этой я остановилась.

Артём спросил про сайт. Я не стала создавать сайт, конечно. Но на всякий случай открыла резюме, которое лежало в черновиках с сентября. В нём было написано: «Целеустремлённая, ответственная, исполнительная». Я перечитала и закрыла документ.

Плюш запрыгнул на стол и лег на край клавиатуры.

— Давай без помощи.

Он устроился удобнее и замурлыкал.

Я переставила ноутбук на колени, открыла папку с вакансиями и просмотрела несколько объявлений. В одном искали иллюстратора на проектную работу, в другом — младшего графического дизайнера. Третье объявление было от издательства. Требовали портфолио и короткое письмо. Я прочитала описание, потом ещё раз. Открыла форму отклика.

Поле «Сопроводительное письмо» оставалось пустым. Я набрала: «Здравствуйте! Меня заинтересовала ваша вакансия…» — и стёрла. Написала: «Добрый день, я иллюстра-

тор…» — тоже стёрла. Отодвинула ноутбук. Плюш перевернулся на спину, освободив клавиатуру.

— Тебе легко, — сказала я ему. — Тебя просто выбрали.

Он зевнул. Я отправила Артёму сообщение: «Ты всегда так спокойно говоришь людям, что им нужно делать?» Он ответил через минуту: «Нет. Иногда я просто думаю это и не говорю».

«Сегодня сказал».

«Тебе не понравилось?»

Я перечитала наш разговор в кофейне. Вспомнила его вопрос про обузу, про родителей, про то, справляюсь ли я. Мне не понравилось, что он попал в точку. Это не то же самое, что не понравился сам вопрос.

«Я пока не решила».

«Тогда не буду торопить».

Я положила телефон экраном вниз. Плюш тут же сел на него.

В субботу мама позвонила утром. Она спросила, как кот, ела ли я, не холодно ли мне в квартире и когда я приеду забрать коробку с зимней одеждой. На вопрос, ела ли я, я ответила, что да. Это было почти правдой: я выпила чай и откусила половину тоста.

— Ты могла бы приехать сегодня, — сказала мама. — Папа на дачу не поедет, обещают дождь. Заодно пообедаешь у нас.

Я согласилась, хотя успевала только к двум. До этого надо

было сделать уборку и занести Плюша в клинику — проверить, не воспалилось ли у него ухо. Ветеринар сказал наблюдать, а я решила, что проще показаться повторно, чем каждую минуту разглядывать его уши и гадать, нормальный ли там оттенок кожи.

На кухне мама поставила передо мной тарелку супа и заметила, что я подстриглась. Я стриглась два месяца назад.

— Хорошо выглядит, — добавила она.

— Спасибо. Ты сегодня уже говорила папе, что не будешь на дачу?

— Говорила. Он всё равно надевает куртку каждые полчаса, проверяет прогноз и снимает её обратно.

Из коридора донеслось:

— Я слышу.

— Вот и хорошо, — сказала мама.

Мы поели. Папа рассказал про соседей, которые поставили на балконе клетку для попугая, но попугая пока не купили. Потом он спросил, когда мне вернут дипломную работу после проверки. Я сказала, что диплом защитила ещё в мае, и он вспомнил. У него на работе тоже закончился важный проект, и сейчас он путал мои даты с собственными.

— Ты с работой определилась? — спросила мама, когда мы перешли к чаю.

Я размешивала сахар, хотя положила его слишком много.

— Пока нет.

— Ты же говорила, что смотришь вакансии.

— Смотрю.

— И?

— Не откликаюсь пока.

Папа снял очки, протёр их краем салфетки.

— Почему?

— Везде требуют опыт. Или тестовое. Или чтобы человек умел всё сразу.

— А ты умеешь, — сказала мама.

— Откуда ты знаешь?

Она посмотрела на меня так, будто вопрос был странным.

— Я видела твои рисунки.

— Ты видела пару открыток.

— Я видела папку, которую ты показывала за ужином. Там были не только открытки.

— Я тогда показывала их папе.

— Мы оба смотрели.

Я принялась крутить ложку. На чашке остался след от чая.

— Это не совсем работа, — сказала я. — Одно дело рисовать для себя, другое — делать для заказчика. Там нужны сроки, правки, технические требования. Я не уверена, что потяну.

— Никто не уверен, пока не попробует, — сказал папа.

Мама поставила чайник на подставку.

— Не надо тебя уговаривать. Просто не прячь рисунки от людей, если сама хочешь этим заниматься.

Я ничего не ответила. Папа спросил, как Плюш перенёс

переезд, и мы перешли к разговору о коте. Он хотел купить ему лежанку, хотя я сказала, что у Плюша уже есть две. Мама предложила приехать в следующий раз с игрушкой. Я сказала, что пусть не покупают ничего, у него всё есть. Они обменялись тем самым взглядом, после которого я обычно начинала возражать. В этот раз я просто доела пирог.

Перед уходом папа вынес из кладовой коробку с зимней одеждой. Я попробовала поднять её, но он не отдал.

— У тебя пальто уже надето, а коробка тяжёлая.

— Я могу донести.

— Можешь, но не будешь. Я поставлю в багажник.

Я не стала спорить. В машине мама спросила, когда я в последний раз отдыхала. Я ответила: «Сейчас». Она посмотрела на меня с улыбкой.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Ты после смены прибираешься, по выходным возишься с котом, ещё и вакансии ищешь. Ты не обязана каждый день всё успевать.

— Я не каждый день успеваю.

— Тогда почему так стараешься?

— Потому что если не делать сразу, потом становится ещё больше.

— Это про дела или вообще?

Я не ответила. Мама не стала повторять вопрос. Она включила радио, а там как раз играла старая песня, которую

папа слушал, когда учил меня водить. Я вспомнила, как заглохла на перекрёстке и плакала от злости, а он сидел рядом и делал вид, что ищет что-то в бардачке, пока я не успокоюсь.

Когда я вернулась домой, Плюш сидел на коврике и ждал. Я сняла куртку, открыла коробку с одеждой, но разбирать её не стала. Вместо этого провела рукой по его голове и спросила, как он тут без меня. Он ответил мяуканьем и пошёл к миске.

Вечером я отправила Артёму фото Плюша, который пытался залезть в коробку.

«Он уже знает, где хранится его зимняя одежда», — написал он.

«Это моя коробка».

«Он не признаёт границ собственности».

«Я тоже заметила».

«Ты сегодня была у родителей?»

Я ответила да. Артём спросил, как прошло. Я написала: «Нормально. Они опять спросили про работу». Он прислал: «И что ты ответила?»

«Что пока не знаю».

«А ты сама знаешь?»

Я посмотрела на пустое окно переписки. Потом на ноутбук, который всё ещё лежал на столе с открытой страницей вакансии.

«Хочу рисовать».

Отправила и сразу захотела забрать сообщение. Поздно.

«Тогда я буду считать это ответом».

Я нажала на сердечко под его сообщением — случайно. Во всяком случае, я сказала себе, что случайно. Через секунду убрала реакцию. Артём ничего не написал.

В понедельник он пришёл в кофейню под закрытие. Заказал чай, хотя обычно брал кофе, и сел у стойки. Я заканчивала протирать столы. Оля уже ушла, смена была на мне одной.

— Тяжёлый день? — спросил он.

— Обычный.

— То есть тяжёлый.

— Сегодня клиент спросил, можно ли сделать капучино без молока.

— Что ты ответила?

— Что можно сделать эспрессо.

— И он согласился?

— Он заказал латте.

— Прогресс.

Он пил чай маленькими глотками, пока я мыла питчеры. Не торопил. Я включила посудомоечную машину и вытерла стойку. Когда подошла к его столу, он уже снял куртку и развесил её на спинке стула.

— Ты не домой? — спросила я.

— Сейчас пойду.

— Тогда зачем снял куртку?

— Тут тепло.

— Это не ответ.

— Хотел поговорить. Ты вроде не отвечала на последнее сообщение.

— Я ответила.

— Потом поставила сердечко и убрала.

Я остановилась с тряпкой в руке.

— Ты видел?

— Телефон был у меня в руке.

— Я нажала случайно.

— Я не спрашивал.

— Вот и не спрашивай.

Он поднял обе руки, ладони наружу.

— Не спрашиваю.

Я протёрла стол до края и сложила тряпку пополам.

— Ты сегодня долго будешь? Касса закрыта, и я уже не могу ничего приготовить.

— Я понял. Я чай допью и уйду.

— Я не выгоняю.

— Немного выгоняешь.

— Мы закрываемся.

— Я знаю.

Он допил чай, поставил чашку на поднос и надел куртку. У двери остановился, посмотрел на меня.

— Я не хочу приходить сюда каждую неделю только ради кофе, если тебе это неприятно.

Я поправила поднос с чашкой, хотя он стоял ровно.

— Мне не неприятно.

— Хорошо.

— Просто я не понимаю, что тебе от меня нужно.

— Я не уверен, что нужно что-то конкретное. Мне нравится с тобой разговаривать. Ты смешная, когда перестаёшь проверять каждую фразу перед тем, как её сказать.

— Я не проверяю каждую фразу.

— Эту проверила.

— Нет.

— Ладно.

Он не улыбался, но и не выглядел обиженным. Просто ждал, оставив мне возможность ответить.

— Я не привыкла так… — Я остановилась.

— Как?

— Не знаю. Встречаться без причины.

— Причина есть. Кофе.

— Ты понял, о чём я.

— Понял. Но не могу придумать за тебя удобное слово.

Я бросила тряпку в раковину.

— Ты всегда такой спокойный?

— Нет. Просто сейчас я пытаюсь не надавить.

— А обычно?

— Обычно я делаю глупости, а потом думаю, как бы не надавить.

Я посмотрела на его руки. На костяшке была царапина. Та же, что в прошлый раз? Нет, другая, уже подсохшая.

— Ты часто делаешь глупости?

— Вполне регулярно.

— И тебя это не смущает?

— Смущает. Но не так сильно, чтобы перестать.

У меня вырвался смешок. Артём чуть улыбнулся.

— Вот. Так лучше.

— Что лучше?

— Когда ты смеёшься, а не пытаешься подобрать правильный ответ.

— Ты опять делаешь комплимент?

— Наблюдение.

— Плохое слово. В нём можно спрятать что угодно.

— Например, комплимент.

— Или критику.

— Тогда буду говорить прямо. Ты мне нравишься.

Тряпка соскользнула в раковину. Я потянулась за ней, но не взяла.

— Ты меня почти не знаешь.

— Это правда.

— Тогда как я могу тебе нравиться?

— Мне нравится то, что я уже знаю. Остальное можно узнать, если ты захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда я перестану ходить сюда так часто. И буду иногда спрашивать, как Плюш.

Он сказал это без обиды, и оттого мне стало ещё сложнее. Я бы предпочла, чтобы он подшутил или сделал вид, что во-

прос неважный. Тогда можно было бы отмахнуться.

— Я не говорила, что не хочу.

— Я знаю.

— И не говорила, что хочу.

— Тоже знаю.

— Тогда зачем сказал?

— Чтобы ты не решила, будто я хожу сюда только из-за кота.

Снаружи у входа мигнула лампа. В стекле отражались столы, стулья и мы с ним: я в фартуке, он с пальто на руке. Из кухни донёсся щелчок холодильника.

— Мне нужно закрыть, — сказала я.

— Да.

— И завтра рано вставать.

— Понял.

— У меня в среду выходной.

Он чуть склонил голову.

— Хорошо.

— Я ничего не обещаю.

— Я и не прошу.

— Можно погулять. Днём. Если дождя не будет.

— Можно.

— Я напишу.

— Договорились.

Он вышел, придержал дверь, пропуская меня следом. Я закрыла кофейню, проверила замок два раза и пошла домой.

На улице было сыро. В кармане лежал ключ, телефон и тот старый чек с его запиской, который я всё ещё почему-то не выбросила.

Дома Плюш встречал меня с игрушечной мышью в зубах. Он бросил её к моим ботинкам и посмотрел, будто ждал, что я немедленно брошу всё и начну играть. Я сняла пальто.

— Дай переодеться.

Он мяукнул.

— Нет, я сказала. Сначала куртку повешу.

Плюш подхватил мышь и побежал в комнату. Через минуту я нашла его у дивана: он зажал игрушку лапами и грыз хвост. Я села на ковёр рядом и покатала мышь к нему. Он прыгнул, промахнулся и врезался носом в подушку. Я засмеялась и поймала его, когда он собрался повторить трюк.

— В среду, возможно, я пойду гулять.

Плюш вывернулся и укусил меня за палец. Не больно, но вполне убедительно.

— Вот именно. Никаких выводов.

В среду утром дождя не было. Я убрала квартиру, сходила в магазин, пересадила базилик подальше от окна и позвонила в клинику, чтобы перенести запись Плюша на пятницу. На всё ушло меньше двух часов, хотя я рассчитывала потратить весь день. Потом я переоделась в джинсы и свитер, трижды сменила обувь и в итоге оставила первую пару.

Артём написал в одиннадцать: «Солнце есть. Дождя пока нет. Я на всякий случай проверил». Я посмотрела в окно.

Облака висели низко, солнце действительно было, хотя на вид оно больше напоминало светлое пятно.

«Я готова».

«К прогулке или к спору с погодой?»

«Увидим».

Он предложил встретиться у старой набережной. Я знала это место: там была длинная дорожка, несколько лавочек и киоск с горячими вафлями. Мы шли рядом, но первые минуты говорили о бытовом. Он рассказал, что наконец собрал стол и обнаружил, что у него осталось три лишних винта. Я сказала, что в моей квартире тоже есть коробка с загадочными винтами от мебели. Мы решили, что это один и тот же производитель собирает мебель с запасом на случай апокалипсиса.

— Тебе нравится здесь? — спросил он, когда мы вышли на набережную.

— Да. Я иногда приходила сюда после пар.

— Одна?

— Чаще всего.

— И что делала?

— Сидела, рисовала. Или готовилась к занятиям.

— Даже здесь?

— Здесь никто не отвлекал.

— И ты считала это отдыхом?

— Иногда.

— Очень по-студенчески.

— Ты не знаешь, как я отдыхала.

— Расскажи.

Я показала ему фотографию старого блокнота, где рисовала мост и лодки. Он долго рассматривал её, потом попросил увеличить изображение. В блокноте был набросок, неаккуратно заштрихованный, зато на воде получились полосы света. Я не замечала их, пока не увидела на экране.

— Красиво, — сказал Артём.

— Это набросок.

— Я понял.

— Там всё криво.

— Не всё.

— Ты говоришь это потому, что не разбираешься в рисунке.

— Может быть. Но я знаю, когда мне хочется смотреть дольше пары секунд.

Я сунула телефон обратно в карман.

— Я могу прислать тебе папку, если хочешь.

— Хочу.

— Только не смотри всё сразу.

— Почему?

— Там много старого и неудачного.

— Тогда пришли сначала хорошее.

— Я не всегда понимаю, что хорошее.

— Пусть пока выберу я.

— Ты опять будешь говорить, что мне делать?

— Только если попросишь.

Мы остановились у киоска. Я купила вафлю с творогом, Артём — с сыром. Он отдал сдачу в карман, и одна монета упала на асфальт. Мы одновременно наклонились, столкнулись лбами и отпрянули.

— Это был знак, — сказал он.

— Какой?

— Что деньги лучше держать в кошельке.

— Я ожидала чего-то более романтичного.

Я сама услышала, что сказала, но уже не могла вернуть фразу. Артём поднял монету и положил мне на ладонь.

— В следующий раз подготовлюсь.

— Не надо.

— Ладно.

Он улыбнулся, и мы пошли дальше. Я съела вафлю, стараясь не испачкать свитер. На набережной мимо нас проехал велосипедист с наушниками. Из-за поворота выбежала собака, та самая, большая, которую я видела в кофейне, или похожая. Хозяин держал поводок обеими руками и извинялся перед прохожими. Пёс увидел Артёма, потянулся к нему и запрыгнул передними лапами на его куртку.

— Привет, громила, — сказал Артём и почесал его за ухом.

Хозяин назвал собаку Рокки. Ей было три года, и она всё ещё боялась голубей. Я присела рядом, чтобы дать ей обнюхать ладонь. Рокки ткнулась носом в пальцы и лизнула меня.

— Плюш не такой общительный, — сказала я.

— Плюш может быть осторожным. Рокки считает, что все люди пришли к нему в гости.

— Надо будет познакомить.

— Только не на первой встрече. Рокки очень деликатный.

Хозяин рассмеялся и ушёл с собакой дальше по дорожке. Мы постояли ещё немного, глядя им вслед.

— Это было свидание? — спросил Артём.

Я потёрла большим пальцем край бумажного пакета от вафли.

— Ты сказал, просто погулять.

— Я спрашиваю, как ты это называешь.

— Не знаю. Мы договорились погулять.

— Хорошо. Тогда это была прогулка.

— Тебя это устраивает?

— Да. Я не хочу назначать за тебя название.

— А если я скажу, что это было свидание?

Он посмотрел на меня. У него на ресницах осталась капля воды — снег всё-таки начал таять и срывался мелкими каплями с веток.

— Тогда я буду рад.

— А если нет?

— Тогда я всё равно буду рад, что ты пришла.

Я не ответила. Мы дошли до конца набережной, где дорожка упиралась в ремонтируемую площадку. За сеткой лежали доски и пластиковые трубы. Рабочий в оранжевой

куртке что-то искал в ящике. Артём остановился, чтобы пропустить пару с коляской, и придержал для них калитку.

На обратном пути мы больше говорили о музыке. Я призналась, что почти не слушаю рэп, кроме того, что иногда играет в кофейне. Он не стал включать мне свои треки на телефоне. Сказал, что пришлёт два, когда доведёт до ума. Я спросила, сколько лет он пишет. Он сказал, что начал в школе, бросил, потом вернулся, когда понял, что ему проще писать, чем рассказывать друзьям, почему он злится.

— Ты часто злишься? — спросила я.

— Сейчас уже реже. Раньше мог сорваться на ровном месте.

— И что изменилось?

— Не знаю. Повзрослел, наверное. Или просто стало стыдно за некоторые вещи.

— Ты всегда так отвечаешь? «Не знаю»?

— Когда не знаю — да.

— Удобно.

— Честно.

Он не стал объяснять, что именно сделал и почему ему стыдно. Я решила не спрашивать. Когда мы подошли к перекрёстку, он не предложил проводить меня до дома. Я не знала, была ли это вежливость или он решил дать мне пространство. Возможно, он просто помнил, что я живу недалеко и сама могу дойти.

— Спасибо за прогулку, — сказала я.

— Спасибо, что пришла.

— Мы уже это говорили.

— Я повторяюсь, когда нервничаю.

— Ты нервничаешь?

— Не так, как ты думаешь.

— А как я думаю?

— Не знаю. Ты думаешь, что я не нервничаю.

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

Я улыбнулась и попрощалась. Дома Плюш как раз проснулся и скреб лапой по двери шкафа. Я сняла обувь, выпустила его в коридор, и он сразу понёсся к кухне. Пока он ел, я отправила Артёму фотографию вафельного пакета, который случайно прихватила с собой.

«Мы унесли улику».

«Полиция уже выехала».

«Надеюсь, у вас есть адвокат».

«Плюш будет защищать меня. Он выглядит очень убедительно».

Я взглянула на кота. Тот сидел над миской и ел с таким сосредоточенным видом, будто давал интервью.

«Он не любит чужих».

«Тогда меня точно посадят».

Я засмеялась. Плюш поднял голову, посмотрел на меня, потом вернулся к миске.

Вечером я открыла папку с рисунками и выбрала пять

работ. Не самые идеальные, а те, которые мне ещё нравились. Сделала копию, переименовала файлы без слов «финал», «переделать» и «возможно». Отправила Артёму ссылку и тут же пожалела, что не посмотрела папку ещё раз.

Он написал: «Смотрю».

Я убрала телефон и помыла чашки. Потом вымыла плиту, хотя она была чистая. Проверила, не осталось ли мокрой земли у базилика, и сдвинула его ближе к свету. Когда телефон снова завибрировал, я вытерла руки о полотенце и открыла сообщение.

«Первая — моя любимая. На третьей ты будто не решила, кто главный герой, и поэтому нарисовала сразу двоих. Это здорово. У тебя есть что-то ещё в таком стиле?»

Я ответила: «Есть. Но там черновики».

«Пришли черновики».

«Нет».

«Понял. Тогда пришлёшь, когда они перестанут быть черновиками».

Я перечитала его сообщение. Оно не выглядело как уговор или обещание устроить меня на работу. Просто ему было интересно. Я открыла файлы с набросками, посмотрела на несколько страниц, которые откладывала уже год, и заметила, что одну из них можно закончить за вечер.

Плюш запрыгнул на стол и лёг поверх планшета.

— Нет, — сказала я.

Он не пошевелился.

Я осторожно сдвинула его на свободное место рядом, достала стилус и открыла рисунок. В верхней части экрана светилась недорисованная крыша, за которой должны были показаться окна. Я подвинула ползунок масштаба, выбрала кисть и добавила несколько линий. Плюш положил лапу на край планшета, но не закрыл изображение.

Я успела поработать сорок минут, прежде чем поняла, что уже поздно. Рисунок не стал лучше от того, что я сидела над ним дольше, зато наконец появился фон. Сохранила файл под простым названием: «Ночной город». Без «финал», «вариант» и «может быть». Потом отправила Артёму фотографию кота, который уснул рядом с планшетом.

«Он проверил результат», — написала я.

«И что сказал?»

«Промурлыкал».

«Суровый критик».

Я выключила экран и пошла готовиться ко сну. На следующий день мне предстояла смена, потом ветеринар, потом стирка. В расписании на среду больше не было пустого места, которое можно было заполнить уборкой.

Я не стала возвращать его обратно.

Глава 4. Черновик

В четверг я пришла в кофейню раньше Оли и обнаружила, что забыла дома телефон.

Поняла это уже у двери. В кармане пальто лежали ключи и две монеты, в сумке — блокнот, кошелёк, расчёска, пакетик с кормом для Плюша, который я зачем-то принесла на работу, и ни одного телефона. Я проверила все карманы ещё раз, хотя знала, что там пусто. Потом постояла на крыльце, прикидывая, успею ли вернуться за ним до открытия.

В кофейне уже горел свет. Я могла оставить Оле записку через соседей, но не помнила номер её квартиры. В конце концов решила не опаздывать и открыла дверь своим ключом.

— Ты чего такая? — спросила Оля, выглянув из подсобки.

— Телефон забыла.

— И что теперь?

— Ничего. Просто забыла.

— Ника, ты выглядишь так, будто оставила дома ребёнка.

— Ребёнок дома. Телефон здесь.

— Уже лучше.

Я завязала фартук, включила кофемашину. Два раза проверила, что поставила на место молоко, потом полезла за телефоном в карман и снова вспомнила, что его нет. К десяти утра я перестала машинально тянуться к сумке, но продол-

жала думать, написал ли Артём.

Это было глупо. Я не обещала ему писать. Он не обещал писать мне. Мы погуляли один раз, он посмотрел мои рисунки, я посмотрела набережную и собаку, которая прыгнула на него. Никаких обязательств из этого не следовало.

В обед Оля попросила меня сходить в соседний магазин за сиропом. Я вышла на улицу и зашла за телефоном. Дома Плюш сидел на подоконнике, заняв собой весь солнечный прямоугольник. Он посмотрел на меня, не двигаясь.

— Я ненадолго.

Телефон лежал на столе рядом с планшетом. На экране было сообщение от Артёма, отправленное утром: «Ты сегодня работаешь? Я нашёл человека, который собрал мебель и не потерял ни одного винта. Хочу спросить, как ему удалось».

Я улыбнулась и тут же оглянулась на кота. Он уставился на меня с таким видом, будто его разбудили ради ерунды.

«Работаю до шести. Телефон оставила дома, поэтому отвечаю только сейчас».

«Я уже решил, что ты занята спасением базилика».

«Он пока справляется».

«Завидую».

Я не стала уточнять, чему именно. Убрала телефон в карман и вернулась в кофейню с сиропом. Оля заметила моё лицо и спросила, что случилось.

— Ничего.

— Ника, у тебя опять это «ничего» с улыбкой.

— Мне написали.

— Кто?

— Артём.

— И что хотел?

— Узнать, как собирают мебель.

Оля подняла брови.

— Он серьёзно не умеет найти это в интернете?

— Он умеет. Наверное, ему нужно было спросить именно меня.

— И ты веришь в это объяснение?

— Он же не написал, что ему нужно срочно увидеться.

— А если бы написал?

Я поставила сироп на полку.

— Тогда спросила бы, зачем.

— Правильный ответ. Запомни его.

В тот день Артём так и не пришёл. Я подумала об этом, когда закрывала кассу, потом ещё раз дома, пока размораживала курицу. На третий раз решила, что это уже слишком много внимания для человека, который просто спросил про мебель.

Я не написала ему первой. Зато открыла папку с вакансиями.

За вечер выбрала объявление небольшой студии, которая делала иллюстрации для детских настольных игр. В описании требовали знание графического редактора, умение ра-

ботать с правками и готовность выполнить небольшое тестовое. Портфолио можно было приложить ссылкой. Я перечитала требования четыре раза. В конце добавили: «Опыт работы будет преимуществом, но готовы рассмотреть начинающих специалистов».

Это звучало почти как разрешение. Или как хитрая ловушка.

Я открыла письмо, которое можно было отправить вместе с работами. Начала с «Здравствуйте», потом долго подбирала следующую фразу. Плюш запрыгнул на стол и устроился рядом с клавиатурой. Я освободила место для его лапы и снова набрала:

«Здравствуйте! Меня заинтересовала вакансия иллюстратора. Я недавно окончила университет…»

Слово «недавно» выглядело жалко. Заменила его на «в этом году». Потом перечитала и добавила, что работаю с цветом, персонажами и книжной иллюстрацией. Убрала «ответственная» и «целеустремлённая». Вместо этого приложила пять работ и коротко описала каждую. В одну из них вставила ссылку на рисунок с городом.

Внизу оставалась подпись. Я написала полное имя, адрес почты и телефон. Пальцы замерли над кнопкой «Отправить».

Я могла отложить это до утра. Утром можно было проверить орфографию свежей головой, заменить одну работу на другую, попросить Леру посмотреть текст. Потом собрать

более приличное портфолио, сделать сайт, пересчитать сроки, проверить требования к файлам.

Плюш сдвинул лапой крышку от ручки. Она упала на пол.

— Поняла, — сказала я.

Нажала кнопку.

Письмо ушло. Я закрыла почту, открыла её снова и проверила, не пришло ли сообщение о недоставке. Не пришло. Отправленное письмо лежало в папке с соответствующим названием. На экране оно выглядело уже не моим.

Я сделала скриншот и отправила маме. Через минуту она позвонила.

— Ты откликнулась?

— Да.

— На ту самую работу?

— На вакансию иллюстратора. Не знаю, что ответят.

— Это уже неважно. Ты отправила.

— Мам, мне не нужен разбор полётов.

— Я не разбираю. Я рада за тебя.

Плюш потянулся лапой к телефону. Я пересела на диван.

— Я просто хочу сначала увидеть результат.

— Ты уже увидела. Письмо отправлено.

— Это технический результат.

— А какой ты ждёшь?

— Не знаю.

Мама не стала подталкивать. Она спросила, как Плюш, и я описала его сегодняшнюю попытку стащить с подоконника

резинку для волос. Потом мама сказала, что в выходные они с папой зайдут, если я не против. Я сказала, что не против, но пусть ничего не покупают. Она засмеялась и обещала подумать.

Я открыла переписку с Артёмом. Палец завис над строкой ввода. Хотелось рассказать ему про отклик, но я не знала, будет ли он радоваться так, как мама, или спросит, почему я выбрала именно эту вакансию и что буду делать, если мне не ответят. Я написала: «Сегодня отправила первое письмо по вакансии».

Он ответил через пару минут: «Круто. Хочешь, чтобы я поздравил или чтобы сказал, что теперь у тебя есть шанс продать рисунок за нормальные деньги?» Я прочитала дважды.

«Поздравь. А про деньги потом».

«Поздравляю, Ника. Это большое дело».

Я смотрела на сообщение, пока Плюш не запрыгнул на диван и не толкнул мою руку головой. Я отложила телефон и почесала его под подбородком. В субботу Артём прислал ссылку на запись. «Если будет время, послушай. Только не обязательно говорить, что понравилось».

Я включила трек на колонке, пока мыла пол. Первые несколько секунд шёл бит, потом вступил его голос. Не такой, каким я слышала его в кофейне. Там он говорил спокойно, чуть насмешливо, иногда обрывал фразы на полуслове. Здесь голос был ниже и собраннее. Текст я не сразу разобрала: слова слипались с музыкой, а припев цеплялся за ритм.

В середине была строчка про пустую лестницу и человека, который не отвечает на звонок. Потом — про отца, который «учил быть крепким, забыв спросить, где больно».

Я выключила пылесос. Плюш сидел на коврике и смотрел на колонку.

Песня закончилась. Я включила ещё раз и села на пол рядом с ним. Второй раз вслушивалась в текст. Некоторые строчки мне понравились, в других я не поняла, к кому он обращается. Я не знала, о чём именно он писал и насколько это было личным. Но один момент ближе к концу звучал так, будто он торопился успеть сказать всё до того, как его перебьют. Мне захотелось спросить, почему он оставил его именно так.

Я набрала: «Мне понравилось. Особенно место про лестницу. Только в середине я потерялась, потому что в одной строчке ты меняешь, к кому обращаешься. Это специально?» Он ответил не сразу. Через десять минут прислал: «Нет. Я думал, будет понятно».

«Мне пришлось слушать два раза».

«Это плохо?»

«Не обязательно. Просто заметно».

«А концовка?»

Я снова включила трек и дослушала.

«В конце слишком много слов. Ты говоришь быстрее, чем бит, будто боишься, что не успеешь».

На этот раз он позвонил. Я не взяла трубку, потому что на

руках была пена от средства для пола. Потом вытерла пальцы и перезвонила сама.

— Ты правда так думаешь? — спросил он вместо приветствия.

— Да.

— Про концовку?

— Да. Но мне понравилась последняя строка. Если бы перед ней было больше паузы, она бы сильнее прозвучала.

Он помолчал.

— Я тоже думал, что там тесно. Но Лёха сказал оставить. Он сводил трек.

— Тогда, может, спроси его ещё раз.

— Спрошу. Ты вообще часто слушаешь музыку с таким вниманием?

— Только когда человек спрашивает моё мнение.

— Я не просил мнение. Я отправил ссылку.

— Написал, что можно послушать.

— Это правда.

— Значит, теперь у тебя есть мнение.

— Точное. Даже обидно.

— Ты хотел честно.

— Да. Я просто не знал, что честно будет так.

— Как?

— Что ты заметишь всё, что я хотел спрятать.

Я притихла. Плюш подошёл к швабре и начал с ней бороться. Я отодвинула её ногой.

— Не всё. Я не знаю, почему ты написал эту песню.

— Это неважно.

— Для песни, может быть, важно. Для меня — нет.

— Хорошо.

Пауза затянулась. Я могла спросить о лестнице. Не спросила.

— Ты сегодня свободна? — сказал он. — У меня репетиция с Лёхой и ещё парнем, который делает бит. Мы будем в маленькой студии у него дома. Если захочешь, можешь зайти. Там ничего особенного, просто послушаешь, как мы ругаемся из-за громкости.

— Я не знаю, разбираюсь ли в этом достаточно, чтобы туда идти.

— Тебе не надо разбираться. Там есть стул. И чайник. Можешь сидеть молча.

— Очень заманчиво.

— Я знаю, как продать идею.

Я посмотрела на пол. Половина комнаты была вымыта, половина ещё нет. На столе лежал ноутбук с открытым письмом, которое я уже отправила. Плюш вцепился в швабру и не собирался отпускать.

— Во сколько?

— В шесть. Адрес пришлю. Если не захочешь идти, скажи. Я не обижусь.

— Я приду. Но только послушать.

— Договорились.

Сказав это, я ещё раз прошлась шваброй по кухне. Плюш следовал за ней, пытался поймать тряпку и оставлял мокрые отпечатки лап. Я закрыла дверь в комнату, чтобы он не запрыгнул на кровать.

В студию я пришла в шесть десять. Дом был старый, подъезд пах краской и мокрыми куртками. Артём ждал меня на первом этаже. В руках у него была связка ключей, на голове — тёмная шапка.

— Ты нашла.

— Там всего один подъезд.

— У нас в прошлый раз курьер поднялся не туда и оставил пиццу этажом выше.

— Надеюсь, люди этажом выше были рады.

— Они были веганы. Я не знаю, чем всё закончилось.

Мы поднялись на третий этаж. В квартире пахло кофе и пылью от старых колонок. В прихожей стояли четыре пары обуви, одна из них — огромные ботинки с грязью на подошве. Из комнаты доносился бит. Артём постучал костяшками по двери и вошёл.

За столом сидели двое парней. Один, в очках с тонкой оправой, кивнул мне и сразу отвернулся к ноутбуку. Второй был в растянутой футболке, с татуировкой в виде маленькой молнии на шее. Он поднялся, чтобы поздороваться.

— Лёха, — сказал он. — Это Ника?

— Да. Ника, это Лёха. А это Вадим.

Вадим махнул рукой, не отрываясь от экрана.

— Привет. Я не встаю, а то потеряю место.

— Привет.

Студия оказалась обычной жилой комнатой с диваном, столом, двумя микрофонами и проводами, которые пересекали пол. У стены стоял синтезатор, на нём лежали коробка из-под пиццы и зарядка. Я выбрала стул рядом с дверью, чтобы никому не мешать. Артём снял куртку и повесил её на спинку дивана.

— Чай? — спросил Лёха.

— Да, спасибо.

— С сахаром?

— Без.

Он протянул мне кружку. На ней был нарисован зелёный динозавр с подписью «Я устал».

— У нас тут культурная программа, — сказал Артём. — Сначала чай, потом спор о том, кто испортил припев.

— Ты испортил припев, — сказал Вадим.

— Ты сам его сводил.

— Это не мешало тебе его испортить.

— Я уже жалею, что пришла, — сказала я.

— Рано. До спора ещё не дошли до главного.

Артём сел у микрофона, надел наушники. Лёха запустил запись. Я слушала, как трек распадается на короткие куски: ударные, голос, бас. Они спорили о том, где оставить паузу и сколько добавить эха. Иногда Лёха перематывал на несколько секунд назад, Артём повторял строчку, а Вадим говорил,

что теперь стало хуже. Артём обзывал его «человеком, который придумал слово “нормально” и решил на этом остановиться».

— А ты сама что рисуешь? — спросил Лёха, пока Вадим менял дорожку.

— Иллюстрации. В основном персонажей.

— Артём говорил, что у тебя классные работы.

— Он видел пять.

— Пять — уже материал для выводов.

— Если бы я послушал пять треков Вадима, выводы тоже были бы, — сказал Артём.

— Не начинай, — отозвался Вадим.

Я улыбнулась и сделала глоток чая. Он был горячий и крепкий. Пока ребята обсуждали звук, я прислушивалась к отдельным слоям. На записи его голос звучал более уверенно, чем в той демке. Некоторые строки он повторял десятки раз, и каждый раз менял ударение. Однажды он запнулся и рассмеялся, сняв наушники.

— Ты это специально повторяешь? — спросила я.

— Что именно?

— Строку про лестницу. Ты каждый раз делаешь паузу в другом месте.

— Потому что не могу решить, где она нужна.

— А если оставить длинную паузу после «не ответил»?

— Тогда бит проваливается.

— Может, он и должен провалиться.

Лёха поднял глаза от ноутбука.

— Давай попробуем.

Они поставили новый вариант. В нужном месте голос оборвался, и на секунду остался только тихий фон, почти незаметный. Потом вступил бас. Я не сразу поняла, почему стало лучше, но слова перестали толкаться друг с другом.

Артём снял наушники.

— Вот. Теперь я обязан сказать, что это идея Вадима.

— Не смей, — сказал Вадим.

— Я записал. Ника, ты можешь теперь выставить счёт за консультацию.

— Сначала послушаю финальный вариант.

— Жёсткий заказчик.

— Это не заказ. Я здесь просто сижу.

— Пока, — сказал Лёха.

Они засмеялись. Я тоже, хотя не поняла, почему это было смешно. Через час работа закончилась. Лёха сохранил проект, Вадим пошёл на кухню за водой. Артём снял наушники и потёр ухо.

— Устаёшь от этого? — спросила я.

— От чего?

— От постоянных повторов.

— Иногда. Но потом слышишь, что получилось, и уже нормально.

— А если не получилось?

— Тогда слушаем ещё.

— Даже если уже поздно?

— Особенно если поздно. Тогда мозг отключается, и мы перестаём спорить.

— Я думала, вы спорите до утра.

— Иногда. Но Лёха утром работает, так что мы стараемся не быть идиотами каждый раз.

Он спросил, понравилась ли мне версия с паузой. Я сказала, что да. Потом объяснила, что теперь последняя строка звучит как окончание, а не как фраза, которую он торопится вставить перед финалом. Он не стал сразу соглашаться. Спросил, не кажется ли мне, что пустое место слишком долгое. Я ответила, что не успела заскучать.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, оставим.

— Только если Вадим согласен.

— Вадим всегда соглашается после того, как скажет, что не согласен.

Из кухни донеслось:

— Я слышу!

— Отлично, — крикнул Артём. — Значит, микрофон работает.

Мы ушли вместе. На улице было холоднее, чем я ожидала. Я застегнула пальто до подбородка. Артём спросил, на автобусе ли я приехала.

— Пешком. От остановки десять минут.

— Провожу до неё.

— Не нужно. Я сама дойду.

— Я знаю. Просто тоже туда иду.
— Тебе в другую сторону.
— Откуда ты знаешь?
— Ты говорил, что тебе на восток. Сейчас мы на западе.
— Я уже забыл, куда собирался.
— Это опасно.
— Есть такой риск.

Он улыбнулся. Мы прошли до остановки. По дороге я спросила, почему он вообще начал писать. Он сказал, что в школе не умел объяснять, что его злит, и однажды написал куплет, чтобы не наговорить лишнего другу. Потом текст ему понравился больше, чем разговор.

— А сейчас ты умеешь объяснять? — спросила я.
— Иногда. Когда не тороплюсь.
— А если торопишься?
— Тогда могу сказать что-нибудь не то.
— Похоже на всех.
— Значит, я не уникальный.
— Не во всём.

Он повернул ко мне голову.

— Это тоже наблюдение?
— Да.
— Хорошее?
— Не решила.

У остановки он спросил, когда мне на смену. Я сказала, что завтра к девяти. Мы попрощались. Он не предложил ещё

куда-нибудь пойти и не попросил написать, когда я доберусь. Я села в автобус и поймала себя на том, что ждала от него сообщения. Через пять минут оно пришло: «Спасибо, что пришла. Вадим сказал, что ты ему понравилась, потому что не дала ему говорить о миксе».

«Я не помню, чтобы он много говорил».

«Вот поэтому».

Я улыбнулась и отправила Плюша, который сидел у меня на коленях в виде фотографии из галереи. На снимке он был весь белый, кроме одного серого пятна на ухе, и смотрел в камеру так, будто сейчас задаст вопрос.

«Новый участник группы?» — написал Артём.

«Он не согласен с вашей паузой».

«Пусть запишет свой вариант».

«У него лапы».

«У нас тут никто не идеальный».

Я убрала телефон и поехала домой. Плюш встретил меня у двери, понюхал сапоги и отвернулся. Я поставила сумку, сняла пальто и только потом взяла его на руки.

— Не обижайся. Я была на работе.

Он прижался лбом к моему подбородку и заурчал.

На следующий день я пришла в кофейню пораньше. Было тихо, посетителей почти не было. Я насыпала зёрна в кофемолку, а Оля расставляла чашки. В дверь заглянул Артём, в одной руке у него был шлем.

— Доброе утро.

— Ты опять пришёл до открытия?

— Уже открыто. Там табличка перевёрнута.

Я посмотрела на дверь. Табличка действительно висела обратной стороной.

— Мы только начали.

— Я подожду.

Он поставил шлем на стул и подошёл к кассе. Я приняла заказ. Пока он платил, Оля вышла из подсобки и поздоровалась с ним. Он заказал фильтр и булочку, сел за дальний стол.

Я поставила стакан на поднос. Из-под стола выглядывали его ботинки, испачканные дорожной грязью.

— Ты приехал на мотоцикле? — спросила я, когда отнесла заказ.

— Да.

— В такую погоду?

Он посмотрел на улицу, где небо затянули облака.

— Пока дорога сухая.

— А потом?

— Потом поставлю в гараж.

— Ты всегда так решаешь? По дороге?

— Не всегда. Я проверяю прогноз.

— А если он ошибётся?

— Тогда я промокну.

— На мотоцикле это звучит не очень приятно.

— Не очень.

— И всё равно едешь.

— Мне нравится ездить.

Я посмотрела на шлем, который он оставил у стола. На боку была царапина, а ремешок выглядел потёртым.

— Ты давно катаешься?

— Несколько лет.

— Часто падаешь?

— Ника.

— Что?

— Ты спрашиваешь так, будто уже собираешься позвонить моим родителям.

— Я просто уточняю.

— Падал один раз на небольшой скорости. Давно. Ничего серьёзного.

— Это не ответ на вопрос «часто».

— Нет. Не часто.

— А шлем всегда надеваешь?

Он кивнул на тот, что лежал рядом.

— Всегда.

— Хорошо.

— Ты расстроилась бы, если бы я не надевал?

Я посмотрела на него.

— Я бы решила, что ты идиот.

Он засмеялся.

— Честно.

— Ты же просил говорить прямо.

— Просил.

Оля пронесла мимо поднос. Она прикусила губу, скрывая улыбку, и исчезла за стойкой. Артём допил кофе, собрал мусор и поставил стакан на поднос. Перед выходом поправил ремешок шлема.

— Ты сегодня вечером занята?

— Работаю до шести.

— После?

— Пока не знаю.

— У Лёхи есть новая версия. Хочет показать тебе, но делает вид, что ему всё равно.

— Он просил меня прийти?

— Нет. Он сказал: «Если Ника будет рядом, пусть зайдёт». Это почти то же самое.

— Я не обещаю.

— Я знаю.

— И не присылай записку на чеке.

— А что тогда прислать?

— Обычное сообщение.

— Хорошо. Будет обычное сообщение.

Он ушёл. Я вернулась к кофемашине, где молоко уже успело нагреться. Оля поставила рядом новый питчер.

— Он на мотоцикле, — сказала она.

— Я заметила.

— И тебя это беспокоит.

— Он ездит в такую погоду.

— Сегодня сухо.

— Пока.

— Ты проверила прогноз?

— Нет.

Оля усмехнулась и протянула мне тряпку.

— Тогда не ругай его за то, что сама не проверила.

— Я не ругаю.

— Хорошо. А то пришлось бы тебя занести в список опасных пассажиров.

— Я не собираюсь ездить на его мотоцикле.

— Никто не спрашивал.

Я вытерла стойку и унесла питчер к раковине.

Вечером я получила ответ от студии. Письмо пришло в семь двадцать, когда я стояла в очереди в продуктовом. Я открыла его прямо там и прочитала три раза. Они поблагодарили меня за отклик, написали, что портфолио интересное, но сейчас ищут человека с опытом в игровой графике. Предложили сохранить мои контакты на будущее.

Очередь двигалась. Кто-то положил в корзину пакет яблок, кто-то спорил с ребёнком из-за хлопьев. Я убрала телефон и купила молоко, корм и бумажные полотенца. На улице перечитала письмо ещё раз. Слово «интересное» могло быть вежливой формальностью. «На будущее» — удобным способом отказать. Я не знала, за что зацепиться, чтобы не расстроиться.

Дома я положила покупки на стол. Плюш тут же полез в

пакет, в котором лежали полотенца.

— Там ничего интересного.

Он втянул голову в пакет, и бумага зашуршала.

Я открыла ноутбук, нашла тестовое задание, которое студия прикрепила к письму. У них не было тестового — я сама решила, что оно обязательно будет. Я этого не заметила. Стало обидно на себя сильнее, чем на них.

Артём написал: «Лёха спрашивает, получится ли у тебя сегодня. Если нет, пришлём запись». Я ответила: «Мне отказали». Он позвонил почти сразу.

— В студии?

— Да. У них нужна игровая графика и опыт. У меня такого нет.

— Но они написали, что портфолио интересное.

— Они всем так пишут.

— Ты знаешь это или предполагаешь?

Я прислонилась к холодильнику.

— Предполагаю.

— Тогда пока не выбрасывай это предложение в мусор.

— Я не выбрасываю. Я просто не верю.

— Можно не верить и всё равно оставить себе.

— Звучит странно.

— Я тоже так думаю. Но у меня нет умнее ответа.

Плюш вылез из пакета и вцепился в ручку.

— Ты всё равно едешь к Лёхе? — спросил Артём.

Я посмотрела на недорисованный город. На краю страни-

цы мигал курсор.

— Да.

— Тогда я за тобой зайду. Через двадцать минут.

— Не надо. Я сама доеду.

— На такси?

— На автобусе.

— Хорошо. Тогда увидимся там.

Я надела свитер и взяла зонт. Плюш провожал меня до двери, но не пытался выбраться в коридор. Я присела, почесала его за ухом.

— Я скоро.

Он потёрся о ладонь и отправился к миске.

В квартире Лёхи было так же тесно и тепло. На столе лежали два бумажных стакана, пакет печенья и провода. Вадим сидел на полу, прислонившись к дивану, и выбирал новые звуки для бита.

— У нас тут собрание комиссии, — сказал Артём. — Ника решит, можно ли выпускать трек в люди.

— Ника ничего не решает, — сказала я.

— Уже решает. Мы все боимся её мнения.

— Не надо бояться. Я не знаю, как это работает.

— Это даже лучше, — сказал Лёха. — Ты слушаешь со стороны.

Они включили новую версию. Пауза осталась, но теперь после неё голос входил не сразу. Сначала был один короткий звук — щелчок, похожий на выключатель. Потом Артём

произносил последнюю строку почти спокойно. Я слушала и смотрела на экран, где двигались звуковые дорожки.

— Мне нравится, — сказала я.

Артём повернулся ко мне.

— Это всё?

— Хочешь, чтобы я опять нашла, что поправить?

— Нет. Просто не ожидал.

— Я могу придумать, если надо.

— Не надо.

Лёха перемотал запись назад и послушал ещё раз. Вадим сказал, что щелчок ему не нравится. Они снова начали спорить, а я ушла на кухню налить воды. На холодильнике висели счета и фотография Лёхи с маленькой девочкой. Я спросила, кто это.

— Племянница. Ей пять. Она называет меня «дядя, который играет с колонками».

— Хорошее прозвище.

— Лучше, чем то, что было в школе.

— Какое?

— Не важно. Уже отвык.

Он улыбнулся и вернулся в комнату. Я задержалась на кухне, глядя на фотографию. Девочка держала в руках жёлтый воздушный шар, а Лёха на снимке выглядел моложе и немного растерянно.

Артём вошёл за водой. Мы стояли рядом у столешницы, пока из комнаты доносились голоса и кусок бита.

— Ты правда не расстроилась из-за отказа? — спросил он.

— Расстроилась.

— Тогда почему сказала, что всё нормально?

— Я не говорила, что нормально.

— Ты сказала «мне отказали» и дальше молчала.

— Я не хотела обсуждать это по телефону.

— А сейчас хочешь?

Я поставила стакан на стол.

— Я не знаю. Мне казалось, если я начну откликаться, то хотя бы кто-нибудь захочет посмотреть работы. А они посмотрели и всё равно сказали нет.

— Они сказали, что не подходят под их задачу.

— Это одно и то же.

— Для тебя — может быть. Для них — нет.

— Ты не можешь знать, что они имели в виду.

— Не могу. Ты тоже не можешь.

Я хотела возразить, но не нашла, с чем именно. В комнате кто-то уронил на пол наушники. Вадим выругался, Лёха спросил, не сломались ли они.

— Я думала, ты сейчас скажешь, что всё получится, — сказала я.

— А если не получится?

— Не знаю.

— Тогда это будет неприятно. Но ты всё равно будешь рисовать.

— Ты так уверен?

— Ты рисовала, когда не было вакансии. Будешь рисовать и после отказа.

Я взяла стакан с водой, отпила и поставила обратно.

— Ненавижу, когда ты прав.

— Я тоже. Это большая ответственность.

— Не привыкай.

— Не буду.

Он коснулся плечом моего плеча, проходя мимо к комнате. Не задержался, не сделал из этого события. Я осталась у стола и смотрела на тонкую трещину в кружке. Из комнаты донеслось:

— Ника, ты идёшь? Мы сейчас включим.

— Иду.

В этот раз я сидела ближе к столу и слушала, как они спорят. Вадим настоял на щелчке, но убрал один слой баса. Лёха сказал, что теперь не хватает воздуха. Артём предложил ничего больше не менять до утра. Они послушали запись ещё два раза и решили оставить так.

Когда я собралась домой, Артём спросил, как мне удобнее: он может проводить до остановки или я поеду сама. Я сказала, что до остановки можно.

На улице возле подъезда стоял его мотоцикл. Я остановилась рядом. Чёрный, с небольшим красным элементом на баке, чистый, несмотря на мокрый снег. Артём надел шлем и достал второй, который был закреплён на сиденье.

— Не предлагай, — сказала я.

— Я собирался спросить, хочешь ли посмотреть. Он выключен.

Я посмотрела на шлем.

— Ты возишь с собой второй?

— Иногда катаюсь с друзьями.

— То есть иногда кто-то садится сзади?

— Да.

— Добровольно?

— Обычно да.

— Я не поеду.

— Я не звал тебя.

— Просто уточнила.

Он снял шлем с крепления и покрутил его в руках.

— Можешь потрогать. Он тяжелее, чем выглядит.

Я коснулась подбородочной части. Пластик был прохладный. Внутри пахло тканью и чем-то мятным — может, салфеткой для шлема.

— Ты правда всегда надеваешь его? — спросила я.

— Да.

— Даже если едешь за угол?

— Особенно если за угол. Там люди чаще всего думают, что успеют.

Я посмотрела на него. Он уже не улыбался.

— Ладно, — сказала я. — Это разумно.

— Я иногда бываю разумным.

— Не часто?

— Стараюсь, чтобы заметили именно это.

Мы дошли до остановки. Автобус пришёл через четыре минуты. Артём дождался вместе со мной, потом поднял руку, когда я села. Я села у окна и видела его, пока автобус не тронулся.

Дома Плюш встретил меня у миски. Я насыпала ему корм, сняла шарф и поставила чайник. Телефон завибрировал.

«Ты добралась?»

Я написала: «Да». Он поставил сердечко. В этот раз я его не убрала.

Перед сном я открыла письмо со студии. Внизу мелким шрифтом был адрес сайта, где они размещали новые вакансии. Я сохранила ссылку в закладки, не обещая себе ничего. Потом открыла файл «Ночной город» и дорисовала пару окон. Плюш лёг рядом с планшетом, но лапы на экран не положил.

Когда я выключила свет, в комнате остался только маленький огонёк зарядного устройства. Телефон лежал на тумбочке. Я не проверяла, написал ли Артём ещё что-нибудь.

Глава 5. Мелом по доске

В понедельник управляющая попросила меня нарисовать на доске новый напиток.

Светлана Сергеевна появилась у кассы перед обедом, положила рядом со мной листок и сказала, что наш дизайнер заболел. На листке был текст: «Раф с солёной карамелью и апельсиновой цедрой. Новинка недели». Ниже оставалось свободное место для цены.

— Ты же рисуешь, да? — спросила она.

Я посмотрела на доску у входа. На ней с прошлого месяца всё ещё красовался кривой зонтик и надпись про какао. Её рисовал предыдущий бариста, и зонтик был похож на половину гриба.

— Да.

— Сможешь оформить к вечеру? Можно мелом, быстро. Мне нужно, чтобы было заметно с улицы.

— Я могу попробовать.

— Только не надо стараться до ночи. Тут всё равно на неделю.

Она уже отвернулась, прежде чем я успела спросить, будет ли это считаться работой и оплатят ли её отдельно. Я взяла листок и сунула его под кассу. Оля заметила.

— О, заказ?

— Не знаю. Светлана попросила нарисовать меню на дос-

ке.

— Это заказ.

— Она просто попросила.

— Она попросила сделать штуку для кофейни, которой сама не умеет. Я бы назвала это заказом.

— Но она не сказала про деньги.

— Спроси.

— Мне неудобно.

— А мне неудобно, когда ты работаешь бесплатно, потому что кто-то не уточнил очевидное.

— Это займёт полчаса.

— Тогда за полчаса и спроси.

Я взяла тряпку и вытерла край стойки.

— Я сначала посмотрю, сколько это займёт.

— Ника, если ты сначала нарисуешь, потом будет ещё неудобнее спросить.

Оля была права, и это меня раздражало. Я не хотела превращать каждый жест в обсуждение денег. Но раф продавался не бесплатно, и доска была частью работы кофейни. Я знала это. Только сформулировать вслух не могла.

После обеда я достала меловые маркеры, оставленные в ящике со старыми чековыми лентами. Зелёный почти высох, оранжевый оставлял царапины, белый писал хорошо. Я развернула доску к свету и прикинула композицию. Написала название напитка крупно, вокруг нарисовала апельсиновые дольки и маленькую чашку. Цедру обозначила несколькими

тонкими линиями. В центре листка осталось место под цену.

Сначала чашка получилась слишком большой. Я стёрла её влажной губкой и нарисовала снова. Потом переписала слово «солёной», потому что буквы плясали. Когда я отошла на два шага, надпись читалась нормально, а апельсины выглядели как маленькие солнца.

Светлана Сергеевна пришла к четырём. Она оглядела доску, потом перевела взгляд на меня.

— Вот это хорошо. Ты быстро делаешь.

— Мне понадобилось чуть больше часа.

— Всё равно. Вечером поставим у окна.

— Светлана Сергеевна, а это оплачивается отдельно?

Я сказала это раньше, чем успела передумать. Она удивлённо моргнула.

— Ты хочешь оплату за доску?

— Я хотела уточнить.

— Ну, я думала, ты просто поможешь. Но если это заняло час, давай добавим к смене. Только скажи, сколько обычно берёшь за такие вещи.

— Я не знаю. Я раньше не брала за это деньги.

— Тогда подумай и напиши мне. Не сегодня, можно завтра.

Она сказала это без недовольства и ушла в подсобку. Я посмотрела на доску. Апельсины всё ещё улыбались с неё, хотя это были просто кружки с дольками. Оля вышла из кухни и поставила на стойку коробку с салфетками.

— Спросила?

— Да.

— И?

— Она сказала подумать, сколько я беру.

— Вот видишь.

— Я не знаю, сколько.

— Узнай у тех, кто знает.

— У кого?

— У Леры. У мамы. В интернете. У кого угодно. Только не говори «сколько дадите».

— Я и не собиралась.

— Хорошо. Тогда у тебя уже есть преимущество.

На следующий день я спросила Леру. Она ответила голосовым, в котором сначала зашуршала пакетом, потом раздался стук двери и только после этого прозвучало:

— Ника, это же рабочая штука. Ты должна назвать сумму. Не обязательно огромную. Посчитай время, материалы и ещё то, что тебе пришлось придумать композицию. Ты же не просто написала название.

— Но это для кофейни. Я там работаю.

— Ты работаешь баристой. Тебя не нанимали рисовать рекламу.

— Светлана сказала, что добавит к смене.

— Тогда пусть добавит. Но ты сначала скажи, сколько.

— Мне неловко.

— Конечно. Ты же даже родительские деньги откладыва-

ла, чтобы потом отдать. Неловкость у тебя, кажется, любимое хобби.

— Это вообще другое.

— Чем?

— Не знаю.

— Вот именно.

Лера добавила, что если я хочу, она может помочь посмотреть цены на небольшие иллюстрации. Я сказала, что пока не надо. Она спросила, прислала ли я ей фотографию доски. Я сфотографировала рисунок на смене, отправила и услышала в ответ: «Наконец-то ты нарисовала не в стол».

Я не стала отвечать, что уже рисовала для неё и для родителей. Она имела в виду работу. Наверное. Вечером Артём прислал сообщение: «Видел у вас новую доску. Это ты рисовала?»

Я прочитала его, стоя в очереди за кормом для Плюша. Телефон лежал на ладони, второй рукой я придерживала корзинку с пакетом наполнителя.

«Да. Светлана попросила».

«Классно. С улицы видно».

«Там не всё идеально».

«Я не спрашивал, всё ли идеально».

Я посмотрела на его сообщение и положила телефон в карман. Плюш дома размотал рулон бумажных полотенец, пока я отсутствовала. Куски лежали по всей кухне, один прилип к миске с водой. Я собрала их, вытерла пол и пересыпала

корм в контейнер.

Только потом ответила: «Спасибо». Артём прислал фотографию доски, снятой с улицы. На ней действительно всё читалось лучше. Белые линии светились на тёмном фоне, а апельсины были заметны даже через стекло.

Я сохранила фото, хотя не собиралась.

В среду Светлана Сергеевна вернулась к вопросу оплаты. Я прикинула сумму заранее, посмотрела расценки на простые иллюстрации, вычла то, что было бы слишком дорого для маленькой кофейни, и сказала ей. Она кивнула и внесла деньги в ведомость как дополнительное оформление. Я проверила, правильно ли она записала сумму, а потом поставила подпись.

— Ты можешь оставить эту доску в портфолио, — сказала она. — Только сделай фото без отражения от окна.

— Можно?

— Конечно. Это же твоё.

Я думала, что она скажет «ну, оно для работы», или что я не должна выкладывать то, что нарисовала на смене. Вместо этого она уже перешла к следующему вопросу: закончились стаканы или нет.

После закрытия я сфотографировала доску с разных углов. На третьем снимке отражение витрины исчезло, зато в правом нижнем углу оказался мой палец. Я стёрла его и сняла ещё раз. Фото отправила себе на почту, потом добавила к папке с работами. Назвала файл «Раф_апельсин». Без слова

«финал».

На следующий день Артём пришёл не один. С ним вошла девушка с короткими тёмными волосами и красным шарфом. Они что-то обсуждали у двери; он говорил, девушка перебивала его, а потом они оба засмеялись. Я поставила кофемолку на режим помола и отвернулась к стойке.

Оля, которая в тот день была на смене со мной, наклонилась ко мне.

— Это Лера?

— Не знаю.

— Я не про твою подругу. Я про ту девушку.

— Я не знаю, как её зовут.

— А ты знаешь, что это не Лера?

— Оля.

— Всё, молчу.

Они подошли к кассе. Девушка заказала какао, Артём — фильтр-кофе. Он поздоровался со мной, как обычно, без лишней улыбки, без попытки заглянуть за стойку. Его спутница тоже кивнула.

— Ты Ника? — спросила она, пока я пробивала заказ.

— Да.

— Я Катя. Артём рассказывал про твои рисунки. И про кота.

— Про Плюша?

— Про белого кота, который воюет с посудой.

— Он не воюет. Он тестирует, насколько устойчивые

предметы.

Катя рассмеялась и посмотрела на доску у окна.

— Это тоже твоя работа?

— Да.

— Мне нравится. Мы с Артёмом сейчас спорили, кто должен рисовать афишу для выступления. Он говорил, что сам, но я видела его прошлую попытку. Там человек был похож на курицу.

— Это был человек в шапке, — сказал Артём.

— Он был похож на курицу в шапке.

— Там был ракурс сверху.

— У курицы тоже был ракурс сверху.

Я поставила какао на поднос.

— А что за афиша? — спросила я.

— У нас будет маленький концерт в баре на следующей неделе, — ответила Катя. — Выступают несколько ребят. Не что-то большое, скорее вечер открытого микрофона, но мы хотим сделать афишу не из стандартного шаблона.

— Ника рисует, — сказал Артём.

— Я слышала. Если тебе интересно, можем обсудить. Оплата будет, хоть небольшая. Но сначала надо понять, успеваешь ли ты.

Я посмотрела на неё. Это было первое предложение за неделю, которое не начиналось с «можешь помочь». Оно звучало конкретно: афиша, срок, оплата. У меня сразу нашлось много причин отказаться — я никогда не делала афиши для

концертов, ничего не знала про их музыку, боялась, что не смогу выполнить за короткий срок. Но я ещё не знала, сколько именно времени будет, и не могла отказаться от задачи, о которой ничего не спросила.

— Когда вам нужно? — сказала я.

— Через восемь дней. Но эскиз можно показать в течение трёх. Дальше правки.

— Что должно быть на афише?

— Дата, место, имена артистов. Остальное на твоё усмотрение. Если хочешь, можем прислать референсы и рассказать, что за вечер.

Я попросила Катю написать мне в сообщениях. Она продиктовала номер, я записала его на чистом чеке. Артём дождался, пока я сохраню контакт, и сказал:

— Только не соглашайся сразу на всё. Вадим любит добавлять на афишу странные детали.

— Я слышу, — сказала Катя.

— Я и рассчитывал.

— Ты сам хотел рисовать афишу?

— Нет. Я хотел предложить Нике, если ей интересно.

— Удобно. Теперь это выглядит как работа, а не как просьба помочь.

— Я бы и не просил бесплатно.

— Это хорошо, — сказала я. — Но я сначала посмотрю, что нужно сделать.

— Конечно, — ответила Катя. — Никаких обязательств.

Я пришлю описание, а ты решишь.

Они взяли заказ и сели у окна. Я вернулась к кассе. Оля подложила мне чистый поднос.

— Вот это уже интереснее, — сказала она.

— Пока она просто написала номер.

— У тебя контакт. Это больше, чем было.

— Я ещё не согласилась.

— Я не говорю, что согласилась.

— Ты улыбаешься.

— Я часто улыбаюсь.

— Не так.

Оля фыркнула и ушла относить заказ.

За столом Катя показывала Артёму что-то в телефоне. Он наклонился, сказал пару слов, она закатила глаза. Он не пытался перетянуть разговор на себя, не заигрывал с ней и не показывал, что заметил мои взгляды. Они выглядели как давние знакомые, которые уже много раз спорили о шапках, афишах и курицах.

Я подумала, что странно было воображать, будто его жизнь вращается вокруг Плюша и кофейни. У него были друзья, репетиции, планы, люди, которым он показывал свои треки. Я знала это, но до сих пор ощущала его как отдельную историю, которая появлялась рядом со мной раз в несколько дней.

Катя и Артём ушли, когда я принимала заказ у школьников. Он махнул рукой на выходе. Я ответила тем же и сразу

взялась за чашки.

Вечером Катя прислала файл с расписанием и несколько изображений, которые ей нравились. В афишах были яркие пятна, грубая типографика, вырезанные фотографии и рисунки, похожие на черновые. Она описала вечер коротко: четыре выступления, небольшой зал, без строгого дресс-кода, музыка разная — рэп, инди, что-то ещё. Спросила, готова ли я взяться за афишу.

Я открыла изображения, сохранила их в папку и стала думать, как соединить четыре имени, место и дату. В голове появлялись идеи, но каждая казалась либо слишком очевидной, либо слишком сложной для восьми дней.

Я ответила, что могу сделать первый эскиз к воскресенью. Катя написала сумму, которую они готовы заплатить. Она была меньше, чем я хотела бы получить за полноценную афишу, но больше, чем я рассчитывала увидеть за первый заказ. Я уточнила, сколько раундов правок предусмотрено. Катя сказала: два, если не будет глобальных изменений.

Я согласилась. Потом переслала переписку Лере. Она ответила: «Сохрани договорённости. И не делай им десять вариантов бесплатно». Я написала: «Я согласилась только на один эскиз и два круга правок».

«Горжусь. Уже звучишь как человек с работой».

Я закрыла сообщение, но улыбнулась. Плюш запрыгнул на стул и уткнулся носом в экран планшета.

— Ты будешь моим арт-директором?

Он положил лапу на колено. Я не стала отвечать за него.

Эскиз я делала в субботу. Сначала собрала текстовую информацию, затем выстроила её по важности. Крупно поставила название вечера, ниже — дату, место и список артистов. Увидела, что всё выглядит аккуратно, но слишком чисто. Они просили шумную афишу, а у меня вышло объявление о лекции.

Я добавила нарисованный микрофон. Он был похож на маленькую солонку. Удалила его. Попробовала сделать несколько рваных цветных форм. Получилось похоже на упаковку жвачки. Удалила и их.

На третьем часе я закрыла планшет и пошла ставить стирку. Пока машина набирала воду, Плюш залез в пустую корзину для белья и свернулся на полотенце. Я сфотографировала его, отправила Артёму и написала: «Он занял рабочее место».

«Не спорь. У него лапы».

«Это не аргумент».

«Для него — аргумент».

Он отправил фото своего стола: на нём лежали наушники, блокнот с зачёркнутыми строками и чашка, на которой кто-то написал маркером «не трогать». За столом был виден кусок синтезатора.

«У нас тут тоже занято».

«Кем?»

«Вадим пришёл. Говорит, что у него новая идея. Уже пол-

часа ищет её в телефоне».

Я засмеялась и вернулась к эскизу. В этот раз решила не искать идею с нуля. Вспомнила, как Артём говорил, что пауза должна проваливаться. В афише можно было оставить свободное место в центре, а все элементы разнести по краям, словно звук уже начался, но главная фраза ещё не прозвучала. Я нарисовала несколько линий, похожих на дорожки на экране студии, и пустила текст поверх них. Получилось неровно, но читалось.

В воскресенье я отправила эскиз Кате. Она ответила через час: «Это очень близко. Можно чуть меньше деталей внизу, чтобы имена читались лучше? И поменять цвет заголовка на тёплый красный?»

Я посмотрела на картинку ещё раз. Имена действительно терялись. Я уменьшила детали, поменяла цвет заголовка, отправила второй вариант. Катя согласовала его почти сразу и добавила, что вечером покажет остальным.

До конца дня я не стала проверять переписку. Сходила в магазин, сварила суп и пересадила Плюша на диван, потому что он лёг на чистые вещи. Постиранные полотенца пришлось складывать заново. Когда я вернулась к ноутбуку, от Кати пришло сообщение: «Все согласны. Один человек попросил сделать фон светлее, но я его убедила, что так будет хуже. Если ты не против, оставим этот вариант».

Я прочитала фразу «все согласны» и открыла картинку на весь экран. Там всё ещё было много того, что я хотела бы

поправить. Но теперь рядом с её именами стояло моё имя. Маленькое, внизу, как авторство.

Я ответила, что согласна, и спросила, куда отправить финальный файл после подготовки к печати. Катя прислала размеры и формат. Я добавила вылеты, проверила, что текст не попадает под обрез, и экспортировала изображение в нужном разрешении. В папке появились три версии: рабочая, для проверки и финальная. Последнюю я назвала «Афиша_вечер».

Тогда же Артём написал: «Ты в пятницу свободна вечером?» Я ответила: «Работаю до шести».

«В семь у нас будет тот самый вечер. Катя сказала, афиша уже готова. Если захочешь, приходи. Я выступаю ближе к началу».

Я прочитала сообщение, потом ещё раз открыла афишу. Моё имя было внизу. Не фамилия целиком — только «иллюстрация: Ника». На телефоне текст казался крошечным, но всё равно читался.

«Я приду. Хочу посмотреть, как афиша выглядит на стене».

«Конечно. Только афишу там можно будет разглядеть и днём».

«Мне надо проверить качество печати».

«Понял. Ты придёшь как инспектор».

«Именно».

Я не стала писать, что хочу услышать его трек вживую.

Это было бы слишком конкретно, а я всё ещё не понимала, почему меня волнует, будет ли он выступать хорошо.

В пятницу после смены я переоделась в подсобке. Выбрала тёмные брюки и свитер, потому что в баре наверняка будет тесно и жарко. Оля сказала, что можно пойти вместе, но у неё вечером были планы с сестрой.

— Ты одна туда пойдёшь? — спросила она.

— Да. Там будет Артём и его друзья.

— Ты знаешь, где это?

— Катя прислала адрес.

— Хорошо. Напиши мне, когда доберёшься.

— Ты теперь моя мама?

— Нет. Я просто не хочу в воскресенье объяснять Светлане Сергеевне, почему её лучший бариста пропал в подвале с музыкантами.

— Это очень убедительная причина.

Оля обняла меня одной рукой, потому что в другой держала коробку с чашками.

— И не соглашайся рисовать им ещё что-то бесплатно.

— Я уже договорилась об оплате.

— Тогда хорошо.

Бар оказался в цокольном этаже старого здания. Вход был с боковой улицы, рядом с магазином, который продавал батарейки и ключи. У двери стояла очередь из людей в куртках. Я показала охраннику сообщение Кати, назвала своё имя и сказала, что рисовала афишу. Он проверил список и пропу-

стил меня.

Внутри пахло мокрой одеждой, пивом и горячим металлом от прожекторов. Сцена была маленькая, с низким потолком. Перед ней стояли два ряда столов, а дальше люди толпились у стены. Моя афиша висела прямо возле входа. В печати красный оказался ярче, чем на экране, и заголовок выглядел почти оранжевым. Я заметила это сразу. Никто другой, кажется, не заметил.

Катя нашла меня у стойки и махнула рукой.

— Ты пришла. Смотри, уже повесили.

— Да, видела. Красный немного ушёл в оранжевый.

— Это ты называешь немного? Он сейчас апельсиновый.

— На экране был теплее и темнее.

— Мне нравится. Совпало с твоей доской.

— Я не хотела делать одинаковые цвета.

— Всё равно получилось.

Катя огляделась, ищя знакомых, и кивнула в сторону сцены.

— Артём готовится. Он нервничает, но делает вид, что ему всё равно.

— Он говорил, что нервничает только когда торопится.

— Он говорит много чего. Иногда даже правду.

— А ты давно его знаешь?

— Со школы. Мы учились в соседних классах. Он тогда тоже делал вид, что ему всё равно, только ещё хуже.

— Он плохо учился?

— Он мог учиться нормально, когда хотел. Просто не хотел. Сдал экзамены и решил, что больше никому ничего не должен.

Катя не говорила это осуждающе. Скорее рассказывала факт, который давно перестал быть новостью.

— А сейчас он всё ещё такой? — спросила я.

— Какой?

— Делает вид, что ему всё равно.

Она посмотрела на меня и чуть улыбнулась.

— Иногда. А иногда ему правда всё равно.

Я не стала спрашивать, как понять разницу. Катя ушла к сцене, а я осталась у стены. В зале гремела музыка, люди говорили друг другу в ухо, чтобы перекричать колонки. Я заказала воду и держала стакан, чтобы занять руки.

Артём появился через несколько минут. На нём была чёрная футболка и распахнутая рубашка. Он заметил меня и подошёл.

— Инспектор прибыл.

— Афиша висит криво.

Он обернулся и посмотрел на неё.

— Это потому что стена кривая.

— Стена выглядит ровной.

— Значит, афиша кривая.

— Ты сам её повесил?

— Нет. Я бы прикрепил её скотчем и сказал, что так задумано.

— Слава богу, это сделала Катя.

— Она ничего не доверяет мне в вопросах дизайна.

— Понимаю её.

Он улыбнулся и спросил, как прошла смена. Я сказала, что Светлана Сергеевна внесла оплату за доску, а Катя уже согласовала афишу. Артём кивнул, но не сказал «я же говорил» или что-то подобное.

— У тебя получилось, — сказал он.

— Получилась афиша.

— Да. И ты её сделала.

— Катя всё объяснила, а ты только прислал меня посмотреть.

— Я просто познакомил вас. Дальше ты сама.

— Ты мог предложить меня, потому что у тебя не было другого варианта.

— Мог. Но у меня были другие варианты, и они были хуже.

— Например, Вадим?

— Он рисует микрофоны, похожие на солонки.

— Это было бы тематично.

— Не в хорошем смысле.

Кто-то позвал Артёма со сцены. Он отозвался, что скоро. Потом посмотрел на меня.

— Увидимся после выступления?

— Если я не сбегу из-за громкости.

— Вода есть. Наушники тоже можно попросить.

— Очень заботливо.

— Я пытаюсь.

Он ушёл за кулисы. Я осталась у стены и стала рассматривать людей. Некоторые уже знали друг друга, обнимались, обменивались шутками. Кто-то стоял с телефоном, кто-то раскачивался в такт музыке. Я не чувствовала себя совсем чужой, но и своей не была. В кофейне проще: там я знала, где стоит каждая чашка и на какую кнопку нажимать. Здесь всё было незнакомым, даже воздух.

Катя выступала первой — не с песней, а с коротким вступлением. Она объяснила, что сегодня будут играть разные ребята и что никто не обязан понимать каждый текст. Люди засмеялись. Потом на сцену вышел парень в серой толстовке. Он пел под гитару, и его голос немного терялся в колонках. Следом выступал Вадим, который читал текст под электронный бит. Он держался спокойно и почти не смотрел в зал.

Перед выходом Артёма звукорежиссёр поправил микрофон. Свет стал темнее. Кто-то возле сцены свистнул. Артём поднялся на невысокую платформу и положил ладонь на стойку микрофона.

Он выглядел иначе, чем в кофейне. Там его речь то ускорялась, то обрывалась, а здесь он точно знал, куда поставить каждое слово. Плечи расправлены, взгляд скользит по залу, но не цепляется за конкретного человека. Когда заиграл первый бит, он сделал шаг к краю сцены.

Я узнала трек про лестницу. В живом исполнении он зву-

чал не так, как в записи. Зал заглушал часть слов, зато пауза после «не ответил» оказалась отчётливой. Люди не заговорили в неё. Никто не шевельнулся. Потом вступил бас, и кто-то рядом со мной коротко кивнул в такт.

Артём не торопился. В конце он убрал лишнюю строчку, которую я слышала в демке, и оставил ту самую последнюю фразу. Я увидела, как он на секунду опустил глаза, а потом выпрямился. Аплодировали не очень громко — зал был небольшой, — но он всё равно улыбнулся, когда сошёл со сцены.

Я подняла большой палец. Он заметил и сделал вид, что снимает с плеча невидимую пылинку.

После выступления к нему подошли несколько человек. Один парень похлопал его по спине, девушка в красном шарфе обняла и сказала, что он наконец не испортил припев. Артём возразил, что это был лучший припев за вечер. Они спорили, и я отошла к стене, чтобы не мешать.

Пока ждала, Катя подошла ко мне.

— Ну как?

— Хорошо. На сцене он другой.

— В смысле?

— В кофейне он всё время шутит и перескакивает с темы на тему. Здесь он собранный.

— Потому что его никто не перебивает.

— Вадим перебивает.

— Вадиму можно. Он всё равно потом всё переслушает.

Катя сделала глоток воды и посмотрела на афишу, видную через открытую дверь.

— Ты сама часто выходишь из своей привычной роли? — спросила она.

— Какой роли?

— Не знаю. Ты производишь впечатление человека, который всегда знает, что делать дальше.

— Тогда впечатление ошибочное.

— Ну вот. Значит, ты уже умеешь выходить из роли.

Я не поняла, зачем она это сказала. Катя объяснила, что в первом варианте афиши ей понравилось, как я оставила пустое место вокруг заголовка. Сказала, что это похоже на то, как Артём сделал паузу в песне.

— Я не специально связала одно с другим.

— Часто так и получается. Делают не специально.

Я пожала плечами. Катя махнула рукой знакомому и ушла. Я снова осталась одна, но в этот раз не чувствовала себя настолько лишней. Вадим принёс мне стакан воды и сказал, что Артём просил передать, что сейчас освободится. Я поблагодарила. Он спросил, как мне микс, я сказала, что стало лучше, чем в прошлый раз. Вадим признал, что пауза работает, но всё равно считает щелчок лишним.

— Я думал убрать его, — сказал он. — Артём настоял оставить.

— Он не говорил.

— Он не любит признавать, что прав.

— А ты любишь признавать, что не прав?

— Нет. Поэтому мы и работаем вместе.

Он вернулся к стойке, а я допила воду. Артём подошёл, когда закончился следующий номер.

— Ну? — спросил он.

— Ты не торопился в конце.

— Это хорошо?

— Да. Последняя строка прозвучала сильнее.

— Спасибо.

— Ты убрал строчку из демки.

— Там было слишком много слов.

— Ты сам решил?

— Лёха убедил. Я злился весь день, но потом послушал и согласился.

— Значит, ты умеешь принимать правки.

— Иногда.

— Это тоже можно записать в портфолио.

Он рассмеялся и спросил, хочу ли я пройтись. В баре становилось жарко, у меня уже болели уши от музыки. Я сказала, что хочу воздуха. Мы вышли на улицу. Там было холодно, но тихо. У стены стоял его мотоцикл. Он снял перчатки, убрал их в карман и прислонился к кирпичной кладке.

— Ты сам добрался на нём? — спросила я.

— Нет, сегодня на такси. После выступления всё равно выпил пиво.

— Я думала, ты всегда приезжаешь на мотоцикле.

— Не всегда. Я же не идиот.

— Я не говорила, что ты идиот.

— Сегодня ты сказала, что решила бы так, если бы я не надевал шлем.

— Это было про шлем.

— Уточнение принято.

Он стоял рядом, руки спрятаны в карманы рубашки. Я смотрела на его лицо. Без сценического света он опять выглядел обычным — усталым, чуть растрёпанным, с волосами, которые выбились из-под шапки.

— Ты хорошо выступил, — сказала я.

— Спасибо.

— Ты на сцене совсем другой.

— Ты уже говорила.

— Я не в смысле лучше. Просто там ты не перебиваешь себя.

Он провёл ладонью по затылку.

— На сцене понятно, где начало и конец. И если запнулся, никто не ждёт, что я сейчас объясню, почему.

— А в обычной жизни ждут?

— Иногда. Особенно если я сказал что-то не то.

Я вспомнила, как он рассказывал, что может ляпнуть лишнее, если торопится. Не стала спрашивать, что именно он имел в виду. На улице проехала машина, фары прошлись по стене.

— Ты собираешься ещё выступать? — спросила я.

— Да. Если позовут.

— А если не позовут?

— Найдём место сами.

— У тебя на всё есть план?

— Нет. Но у меня есть знакомый с колонками.

— Лёха?

— Лёха. И Вадим. Правда, Вадим будет спорить, что это не план.

— А ты будешь спорить с ним?

— Конечно.

Я засмеялась. Внутри бара снова заиграла музыка. Катя выглянула на улицу и крикнула, что следующая группа готова. Артём ответил, что сейчас подойдёт.

— Ты останешься? — спросил он меня.

Я посмотрела на часы. Было почти десять. Я могла уехать сейчас и лечь спать. Завтра у меня была смена, потом нужно было отправить финальный файл Кате, а потом, если останутся силы, разобрать коробку с зимними вещами.

— Ещё один номер, — сказала я.

— Хорошо.

Мы вернулись в зал. Следующий артист пел так громко, что я не разобрала ни слова. Артём стоял рядом со сценой, иногда кивал знакомым. Я слушала музыку и рассматривала афишу через дверь. Красный цвет и правда был почти оранжевым. Но из-за тёплого света он больше не казался ошибкой.

Когда выступление закончилось, я сказала, что пора ехать. Артём вызвал такси и дождался его вместе со мной. Он не предложил проводить меня, но спросил, куда я еду и удобно ли мне выходить у дома. Я сказала, что да.

— Спасибо, что пришла, — сказал он, когда машина подъехала.

— Я проверила качество печати.

— Разумеется.

— И послушала выступление.

— Это тоже входило в инспекцию?

— Частично.

— Тогда я надеюсь, что проверка прошла успешно.

— Пока без официального заключения.

Он улыбнулся и открыл мне дверь. Я села в машину, пристегнулась и посмотрела на него через окно. Он поднял руку. Машина тронулась.

Дома Плюш не вышел встречать. Я нашла его под одеялом на диване, где он устроил себе гнездо. Рядом лежал мой свитер, хотя я точно убирала его в шкаф. Я стянула обувь и положила телефон на стол.

На экране появилось сообщение от Артёма: «Инспектор, что в отчёте?» Я повесила пальто, наполнила Плюшу миску и только потом ответила:

«Звук местами громкий. Афиша чуть оранжевая. Исполнитель справился».

«Требую уточнить, что значит “справился”».

«Не сбился. Текст был слышен. Пауза на месте».

«Принято. Спасибо за работу».

Я посмотрела на кота. Он уже высунул морду из одеяла и следил за тем, как я печатаю.

— Не ревнуй. Я просто прислала отчёт.

Плюш зевнул и снова зарылся в свитер. Я открыла папку с рисунками и добавила туда финальную афишу. Потом положила телефон экраном вниз, чтобы не читать переписку по кругу.

В пять утра Плюш разбудил меня, уронив с тумбочки пустую упаковку от влажного корма. Я встала, выбросила её и насыпала ему новую порцию. На кухне было темно, лампа над плитой мигала. Я включила чайник и прислонилась к столешнице, пока он нагревался.

В телефоне горело новое сообщение: Артём прислал короткую запись с выступления. На видео он стоял у микрофона, и зал был виден только как ряд тёмных голов. Голос звучал чисто, пауза осталась на месте.

Я посмотрела ролик один раз, потом второй.

«Всё слышно», — написала я.

«Хорошо. Я думал, там будет только шум».

«В следующем видео сними с другого угла. В этом перед тобой голова закрывает половину сцены».

«Буду иметь в виду. Мой личный оператор».

«Я не оператор».

«Ты заметила, где стояла голова».

«Она мешала».

«Убедительно».

Чайник щёлкнул. Я налила воду, добавила заварку, подождала. Плюш потёрся о ногу и устроился у батареи. Я больше не стала открывать переписку. Впереди был длинный день, и лучше было не приходить на смену с кругами под глазами.

В кофейне Светлана Сергеевна прикрепила мою афишу на стену рядом с меню. Кто-то из утренних посетителей спросил, где будет выступление. Она назвала адрес и сказала, что иллюстрацию сделала наша Ника. Я стояла у кофемашины и не знала, куда деть руки. Потом мужчина заказал капучино, и я занялась молоком.

В конце смены Светлана перечислила оплату за афишу. Сумма была той, что мы обсудили с Катей. Я проверила перевод и написала «спасибо». Когда домой пришло сообщение от Артёма «пошла вторая часть гонорара?» — я ответила: «Да. И всё по договорённости».

«Похоже, ты уже умеешь».

«Что именно?»

«Не отдавать работу бесплатно».

Я поставила чайник и не ответила сразу. Потом написала: «Я всё ещё учусь».

«Это считается».

Я сняла куртку, повесила её рядом с пальто и пошла проверять, не оставила ли Плюш лапы в миске с водой. Он сидел на кухонном коврике и смотрел на меня. В миске всё было

сухо.

— Молодец, — сказала я.

Он моргнул. На планшете оставалась открытой афиша. Я заметила, что внизу не хватало одной тонкой линии, и добавила её. Потом сохранила файл, выключила экран и оставила работу в покое.

Глава 6. Отправить

В понедельник я пришла в кофейню на сорок минут раньше. Не потому, что опаздывала. Просто дома Плюш уронил с подоконника горшок с базиликом, и мне пришлось выметать землю из-под батареи. Сам он наблюдал за уборкой с дивана, не испытывая ни малейшего раскаяния.

— Ты хотя бы мог сделать вид, что помогал, — сказала я, застёгивая фартук.

Он потянулся и повернулся ко мне спиной.

На смене было тихо. Я протёрла стойку, включила кофемашину и обнаружила на доске вчерашний след от мела — маленький оранжевый полукруг. Стерла его влажной тряпкой, но цвет въелся в краску. Пришлось потереть сильнее, и Светлана Сергеевна из подсобки спросила, не пытаюсь ли я отмыть доску до первозданного состояния.

— Там пятно.

— Там жизнь, Ника. Оставь ей место.

Я отложила тряпку. На чёрной доске осталась бледная тень, которую, если не знать, где искать, можно было принять за развод от лампы.

К обеду кофейня ожила. Я отдала два капучино, один раф без сахара и чай в бумажном стакане человеку, который пришёл со своей кружкой и всё равно попросил крышку. На планшете под стойкой мигнул экран. Катя прислала фото-

графию афиши, которую я для них делала: её распечатали на плотной бумаге и прикрепили к двери клуба. Под снимком было: «Пришли ещё трое спросить, кто рисовал. Я сказала, что дам твой контакт, если ты не против».

Я написала: «Не против. Только пусть сначала напишут, что именно нужно». Ответ пришёл почти сразу: «Вот это уже деловой человек». Я убрала телефон. Он снова завибрировал. На этот раз сообщение было от неизвестного номера.

«Добрый день. Меня зовут Марина, я из небольшой студии "Линия". Катя дала ваш номер. Нам нужен иллюстратор на проектную работу, можно посмотреть портфолио?»

Я прочитала сообщение дважды. Потом ещё раз, уже медленнее, будто за это время в нём могли появиться дополнительные условия. «Можно посмотреть портфолио?» — не «мы гарантируем заказ», не «приходите завтра», не «у вас есть опыт». Всего лишь просьба прислать то, что у меня уже было.

Я положила телефон на полку экраном вниз.

— Ника, — позвала Светлана Сергеевна, — у нас сироп закончился.

— Какой?

— Мятный.

Я достала запасную бутылку и поставила рядом с кофемашиной. В горле пересохло, хотя я весь день пила воду. Кто-то заказал американо и попросил добавить каплю сливок. Я занялась его стаканом, потом приняла оплату, потом выдала

сдачу. Телефон не трогала до конца смены.

В раздевалке я переоделась и села на ящик для упаковок. На экране по-прежнему светилось сообщение. Я набрала: «Добрый день! Да, конечно. Отправлю сегодня вечером». Удалила «конечно». Вставила «могу отправить». Удалила всё и написала: «Добрый день, Марина. Спасибо, что написали. Могу отправить ссылку на портфолио и несколько работ». Это выглядело так, будто я делала одолжение, хотя никакого одолжения не было.

Я стёрла «могу».

«Добрый день, Марина. Спасибо, что написали. Отправлю ссылку на портфолио и несколько работ сегодня вечером».

Нажала отправить, пока не успела передумать.

В ответ пришёл большой палец. Я убрала телефон в карман и вышла через чёрный ход, где пахло мокрым картоном и чьими-то сигаретами. В кармане куртки лежала мелкая сдача; монеты звякнули, когда я полезла за ключами.

Дома я застала Плюша с лапой в пустой коробке из-под доставки. Коробка была слишком маленькая, чтобы в ней помещался кот, но он устроился внутри и свесил через край хвост.

— Я тебе купила лежанку, — напомнила я.

Он смотрел мимо меня.

Я поставила чайник, вымыла руки и открыла ноутбук. Ссылка на портфолио вела на папку, которую я собирала ещё на третьем курсе. В ней были наброски для университетско-

го проекта, иллюстрации к чужим стихам, две обложки для выдуманных книг и несколько рисунков, которые мне нравились только потому, что я помнила, сколько ночей на них потратила.

Афиши там не было. Я сохранила её на планшете и переслала себе файлом. Потом открыла папку, чтобы убедиться, что файл не развалился по дороге. Он был в порядке. Я начала добавлять его в портфолио, но остановилась на окне с вопросом: «Разрешить просмотр всем, у кого есть ссылка?»

Не всем. Только тем, кому я её отправлю. Я перечитала описание папки. Там значилось: «Портфолио Ники, иллюстрации». Слово «иллюстрации» показалось слишком смелым. Я стёрла его и написала «работы». Затем вернула обратно.

— Что ты там проверяешь? — спросила Лера по видеосвязи.

Я не заметила, что звонок уже минуту висел на экране. Лера сидела на кухне у себя дома, в толстовке с университетским логотипом, хотя закончила учёбу на год раньше. За её спиной свисала гирлянда из бумажных флажков.

— Мне написали по поводу портфолио.

— Кто?

— Студия. Им Катя дала номер.

— И ты прислала?

— Пока нет.

— Почему?

Я подвинула ноутбук так, чтобы Лера могла увидеть папку.

— Там не всё подходит. Надо выбрать порядок. И, наверное, добавить описание к каждой работе. И сделать обложку. Может быть, лучше вообще собрать отдельный сайт.

— Они попросили ссылку, Ника. Не сайт.

— Я понимаю.

— Ты сейчас правда считаешь, что нужно построить сайт, прежде чем отправить папку?

— Я не говорила «нужно». Я говорю, что было бы лучше.

Лера посмотрела куда-то вниз. В кадре появилась её рука с кружкой, на которой было написано «не трогать, это моя нервная система».

— Вот только не начинай собирать третий вариант портфолио, — сказала она. — Когда мне надо было показать свои фотографии, ты заставила меня отправить их заказчику с телефона. Даже не дала открыть редактор.

— У тебя всё было готово.

— У тебя тоже есть что показать.

— Не всё.

— А когда будет всё?

Я закрыла крышку ноутбука наполовину. Плюш потянулся к зарядному кабелю и передумал.

— Не знаю.

— Вот. Ты ждёшь, пока оно станет идеальным, потому что тогда уже не придётся бояться, что оно кому-то не понравит-

ся.

— Это звучит так, будто ты всю жизнь мечтала стать психологом.

— Нет. Я просто знаю тебя с первого курса.

Лера не улыбалась, но и спорить не стала. Я поставила чайник на подставку. Он выключился, и из носика вышел короткий клуб пара.

— Ты хочешь, чтобы я посмотрела? — спросила она.

— Портфолио?

— Нет, погоду на Марсе. Конечно, портфолио.

Я снова открыла ноутбук и отправила ей ссылку. Лера молча пролистала несколько работ. Временами она увеличивала изображения, возвращалась к предыдущим, открывала афишу и приблизила надпись внизу.

— Здесь надо было шрифт на два пункта меньше, — сказала она.

— Знаю.

— Но композиция хорошая. И обложку для выдуманного романа оставь. Мне нравится, что там девушка не смотрит на читателя.

— Она смотрит на трамвай.

— Я знаю. Именно поэтому.

Лера задержалась на последнем рисунке — акварельный дом с одним светящимся окном. Я сделала его в ночь перед защитой, когда уже не могла смотреть на дипломную презентацию. Он никогда не был частью учебного задания. Там не

было смысла, который можно было бы объяснить комиссии. Я просто увидела это окно на старой улице и запомнила.

— Этот обязательно оставь, — сказала Лера.

— Он вообще не коммерческий.

— И что? Ты же не продаёшь кофемашину. Ты показываешь, что умеешь рисовать.

Я закрыла вкладку, не ответив. Лера посмотрела на меня через экран.

— Отправь сегодня. Не завтра, не после того как сделаешь сайт. Сегодня.

— Хорошо.

— Я спрошу через час.

— Не надо.

— Тогда через два.

— Ты невозможная.

— У меня диплома нет, зато есть способности.

После звонка я открыла письмо Марины. Подготовила короткий текст, приложила ссылку и добавила три отдельных файла: афишу, обложку и рисунок с домом. В графе темы сначала написала «Портфолио», потом «Работы для студии “Линия”». Вернула «Портфолио». Перечитала письмо, проверила, открывается ли ссылка в приватном окне, проверила ещё раз.

На часах было 20:47. Я нажала отправить.

Письмо исчезло из черновиков и появилось в отправленных. Я открыла отправленные, чтобы убедиться, что оно там,

затем закрыла почту. Через секунду снова открыла. Никакого нового сообщения, разумеется, не было. Я закрыла ноутбук и понесла Плюшу ужин.

Он не ел из миски. Он вытаскивал кусочки на коврик и ел там, оставляя вокруг миски аккуратный круг из гранул. Я подмела корм, убрала пакет в шкаф и только потом вспомнила про воду. Кот подошёл к миске, понюхал и начал пить.

Телефон завибрировал. Сообщение от Артёма:

«Как прошло выступление в понедельник?»

Я посмотрела на дату. Понедельника ещё не было, значит, он имел в виду открытый микрофон, на который я приходила как «проверяющая афиши».

«Выступление было в субботу».

«Тогда как прошла проверка в понедельник?»

«Я проверила один рисунок. Вынесла предварительное заключение».

«Не хочу торопить судебный процесс, но вердикт можно узнать?»

«У исполнителя есть шанс».

«Хорошо. Я на репетиции сегодня запись слушал, паузу оставили».

«Да, заметила».

«Ты всегда всё замечаешь?»

Я набрала «нет», но стёрла. Написала: «Только если мне мешает голова перед сценой».

«Записал. В следующий раз поставлю её сбоку».

«Тогда кто-нибудь другой закроет сцену».

«Сложная профессия. Спасибо, что присматриваешь».

Я не придумала ответа. Положила телефон на стол, забрала чашку с чаем и пошла к окну. Во дворе дворник перекладывал мокрые листья из одной кучи в другую. Плюш устроился на подоконнике, но только передними лапами; задняя часть кота оставалась на батарее. Он смотрел на двор и время от времени стучал хвостом по стеклу.

Через час Марина ответила: «Спасибо, посмотрю завтра и напишу. Если удобно, созвонимся на неделе, обсудим пару проектов».

Я перечитала «созвонимся» и почувствовала раздражение на то, что не понимала, что именно там будут обсуждать. Потом раздражение переключилось на то, что это вообще неважно, и я ответила: «Да, конечно. Буду ждать».

Лера написала: «Ну?» Я отправила ей скриншот из папки «Отправленные».

«Умница. Всё, теперь не открывай почту каждые пять минут».

«Я не открываю».

«Ты открыла её, чтобы прислать скриншот».

«Это другое».

«Конечно».

Я выключила уведомления от почты. Потом положила телефон в ящик с кухонными полотенцами. Через семь минут достала. Плюш, наблюдавший за мной с холодильника, даже

не пошевелился.

Во вторник утром я проснулась от того, что кот устроил гонки по коридору. Он влетел в спальню, проскочил под кроватью, выскочил с другой стороны и зацепил лапой край покрывала. Я села, прижала одеяло к коленям, чтобы не упасть вместе с ним, и посмотрела на часы. 6:12. До будильника оставалось сорок восемь минут.

— У тебя энергия, как у человека, который не платит за коммунальные услуги, — сказала я.

Плюш запрыгнул на кровать и наступил мне на живот.

Я пошла на смену. Весь день старалась не думать о письме, потому что думать было нечего. Клиенты просили сиропы, бариста просили подмену, принтер снова зажевал чек. Светлана Сергеевна дала мне список закупок и попросила после смены занести его в бухгалтерию. В промежутке я успела дважды открыть почту и один раз удалить уведомление, которое было от интернет-магазина с акцией на наполнитель.

Вечером позвонила мама.

— Ты в выходные к нам приедешь? — спросила она. — Папа решил приготовить плов, а если не приедешь, он всё равно приготовит на пять человек.

— Тогда он заморозит остатки.

— Он говорит, что замороженный плов не тот. Ты закончила дела в кофейне?

— Да, уже дома.

— Ну как у тебя? С работой что-нибудь сдвинулось?

Я посмотрела на ноутбук, лежавший на столе. Письмо Марине было отправлено. Сдвинулось ли это? Наверное. Но говорить об этом маме я почему-то не хотела. Она сразу бы позвонила папе, папа спросил бы название студии, потом каким-то образом нашёл бы кого-то, кто знает кого-то из этой студии, а через неделю я бы сидела на собеседовании с чувством, что меня привели за руку.

— Я отправила портфолио в небольшую студию. Они посмотрят и, возможно, позвонят.

— А почему ты раньше не отправляла? Ты же говорила, что вакансии ищешь.

— Там не было подходящего.

— Ника, подходящее само к тебе не придёт.

Я сняла с крючка куртку, чтобы развесить её после стирки. На рукаве осталась белая нитка от салфетки.

— Знаю.

— Если захочешь, папа может спросить в издательстве у коллеги. Там как раз часто нужны люди с рисунком.

— Спасибо. Пока не надо.

На том конце повисла короткая пауза, в которую мама обычно выбирала, спрашивать ещё или нет.

— Хорошо. Только не тяни до зимы. Ты столько лет училась, надо уже устраиваться по специальности.

— Да.

— И как там кот? Ты его сегодня показывала в сообщениях, а он опять не смотрел в камеру.

— Он не любит фотосессии.

— Вы с ним похожи. На фотографиях тоже обычно смотришь в сторону.

— Мам.

— Что? Я не ругаю. Приезжай в субботу. И кота можешь привезти, если переноска у тебя уже есть.

— Я его не потащу к вам. Он в машине перепугается.

— Тогда оставь дома. Папа купит ему что-нибудь, когда узнает, что кот уже переехал к тебе окончательно.

— Он уже переехал окончательно.

— Я знаю. Я пошутила. Всё, не буду мешать. Позвони, если что.

Мама отключилась первой. Я ещё минуту держала телефон возле уха, потом убрала в карман. Плюш сидел на коврике рядом с коробкой для мусора и пытался подцепить бумажку. Я достала её, бросила в ведро и вынесла пакет на лестничную площадку.

В субботу я всё-таки поехала к родителям. Плюша оставила дома — мама согласилась, что не надо устраивать ему дорогу ради знакомства. На кухне пахло специями и жареным луком. Папа накрыл стол, положил на моё место большую ложку и спросил, почему я выгляжу уставшей.

— Я работаю.

— Это я знаю. Я имел в виду — кроме работы.

— А кроме работы я сплю и кормлю кота.

— Много дел, — сказал папа. Он положил мне на тарелку

плов, не спросив, сколько я хочу, и тут же добавил сверху ещё. — В университете ты хотя бы иногда отдыхала.

— В университете я работала.

— Вот именно.

Мама поставила на стол нарезанный хлеб и сразу заметила, что я не взяла к нему тарелку.

— Вот здесь поставь, — сказала она, двигая тарелку к моему локтю.

— Я вижу.

— Ага. Потому и говорю.

Мы ели и обсуждали бытовое: у папы сломалась насадка у пылесоса, соседка сверху поставила в коридоре пакет с яблоками, мама ищет новые шторы. Я слушала, подвигая вилкой рис, и старалась не думать о том, что надо напомнить им про отложенные деньги. Они по-прежнему считали, что я оставляю их себе на всякий случай. Я по-прежнему не знала, как сказать, что каждый месяц записывала сумму, которую собиралась вернуть.

После еды папа достал коробку с фотографиями, которую мама заказала для разбора. На одном снимке я стояла у школьной доски с грамотой, на другом — в выпускном платье после девятого класса. У меня была челка, которую я сама подстригла перед линейкой и потом целый месяц прятала под ободком.

— Вот тут ты выглядишь счастливой, — сказал папа.

— Я получила диплом с отличием за четверть.

— Похоже, ты была рада.

— Это был школьный диплом.

Папа усмехнулся и положил фотографию на стол. Мама тем временем перелистывала альбом.

— И что ты думаешь делать дальше? — спросила она. — Если со студией не получится, будем искать что-то ещё.

— Я сама найду.

— Я не говорю, что не найдёшь. Просто можно смотреть и другие варианты.

— Я смотрю.

— Ты мне ничего не рассказываешь, а потом злишься, когда я спрашиваю.

— Я не злюсь.

Мама закрыла альбом. Между страницами застрял маленький бумажный уголок, и она вытянула его ногтем.

— Ладно. Не буду спрашивать. Только ты не обязана всё делать сама.

Я знала, что она говорит не о деньгах. Или не только о них. Но ответить было нечем. Я могла объяснить, что мне важно самой найти работу, самой пройти собеседование и самой понять, что не подхожу, если не подойду. Могла повторить, что отдам им деньги. Всё это уже звучало бы как спор, хотя мама не спорила.

— Я скажу, когда появятся новости, — сказала я.

Мама посмотрела на меня, будто хотела уточнить, какие именно, но не стала. Перед уходом папа отдал мне пакет с

контейнерами. Я попыталась забрать только один, но он положил второй сверху.

— Ты же говорила, что замороженный плов не тот, — напомнила я.

— Это на завтра. Не замораживай.

— Я не собиралась.

— А то я тебя знаю. Занятая.

Я убрала контейнеры в сумку. У двери мама обняла меня и спросила, не холодно ли мне в пальто. Я ответила, что нет. Она всё равно застегнула верхнюю пуговицу и поправила воротник.

Когда я вышла на улицу, на экране появилось письмо от Марины. «Добрый день, Ника. Посмотрели ваши работы, особенно понравились афиша и акварельный дом. Не могли бы вы созвониться в понедельник в 15:00? Расскажем, что за проект, и обсудим условия».

Я отошла к стене подъезда, чтобы не стоять посреди прохода. Перечитала письмо. В понедельник в три я должна была быть на смене. Я открыла расписание в телефоне. По графику у меня стояла короткая смена с одиннадцати до четырёх. Значит, надо было попросить Светлану Сергеевну поменяться или уйти раньше. Я могла позвонить Марине и предложить другое время, но тогда пришлось бы сразу объяснять. Проще — спросить на работе.

Я написала: «Добрый день. Спасибо, буду рада обсудить. В понедельник я работаю до 16:00, могу созвониться после

16:30 или во вторник до обеда». Отправила. Никакой дополнительной фразы о том, что я могу изменить график. Никакого извинения за то, что не могу в их время.

В кофейне Светлана Сергеевна посмотрела на расписание и сказала, что может поставить меня на открытие, чтобы я освободилась к двум. Я возразила, что не хочу создавать неудобства.

— Ты не создаёшь неудобства. Я поставлю Леру на твой конец смены, она как раз просила дополнительные часы.

— Я могу отработать ей потом.

— Договоритесь между собой. И не надо делать вид, что ты просишь перенести кофейню на другой адрес.

Я поблагодарила её и написала Лере. Она ответила гифкой с человеком, падающим на кровать, и сообщением: «Я согласна. Но с тебя кофе и подробный отчёт. Не текстом “нормально”».

В понедельник до созвона я три раза меняла верх. Первая рубашка была слишком официальной. Второй свитер — с катышком на рукаве. Третий вариант оказался тем же свитером, только я сняла катышок маленькими ножницами. Плюш пытался схватить его, и я убрала ножницы в ящик.

Звонок пришёл ровно в 14:03. Я сидела за кухонным столом с ноутбуком, листом бумаги и стаканом воды. На листе были записаны вопросы: формат работы, сроки, оплата, правки, договор. Внизу я написала «не соглашаться сразу», обвела и тут же зачеркнула. Это выглядело так, будто я со-

биралась идти на допрос.

— Ника? Добрый день, — сказала Марина.

— Добрый день.

Её голос был спокойным и не особенно торжественным. Слышался стук клавиш, потом кто-то открыл дверь и спросил, есть ли минутка. Марина ответила, что перезвонит, и вернулась ко мне.

Она рассказала о проекте: серия иллюстраций для небольшого образовательного приложения. Им нужны были шесть картинок для раздела про городскую среду. Срок — три недели. Работать можно было удалённо, но на старте провести встречу в студии. Сначала тестовое задание, небольшое, оплачиваемое. Я записала сроки, сумму и адрес.

— Мы не ожидаем, что вы сейчас дадите ответ, — сказала Марина. — Я отправлю техническое задание, посмотрите и решите, подходит ли вам. Вопросы можете прислать письмом.

— Хорошо. А если проект подойдёт, вы оформляете договор?

— Да, конечно. По договору подряда. Все права и формат использования отдельно пропишем, чтобы не было сюрпризов.

Я взглянула на список. Вопросы были там. Я спросила про количество правок, потом про технический формат файлов и цветовой профиль. Марина отвечала без раздражения и даже уточнила, какой программой я пользуюсь.

— Пока Procreate и Photoshop, — сказала я. — Но если нужен другой формат, могу проверить совместимость.

— Нам как раз подходят эти программы.

Звонок длился двадцать две минуты. После него я выпила воду и заметила, что поставила стакан на край листа, размочив слово «договор». Бумага поползла, чернила расплылись. Я подняла лист и положила его на полотенце.

Через десять минут пришло техническое задание. Я скачала файл и открыла. Там были примеры, описания героев, требования к размерам и список сцен. Ничего невозможного. Но в одной строке стояло: «Персонажи должны выглядеть достаточно современно, однако не перегружены деталями». Я выделила эту фразу, чтобы спросить у Марины, что они имеют в виду. Потом поняла, что вопрос сейчас слишком общий. Закрыла файл и оставила его до вечера.

Артём написал: «Сегодня ходил за кофе и увидел афишу у входа в клуб. Ты теперь официально везде?»

«В пределах одного квартала».

«Скромно».

«У меня нет бюджета на охрану».

«Могу охранять. Я не очень высокий, но громкий».

«Это не всегда помогает».

«Зато отвлекает».

Я поставила телефон рядом с ноутбуком. Через минуту он прислал фото афиши, снятой с расстояния, где половину кадра занимала урна.

«Видно?» — спросил он.

«Не очень».

«Тогда в следующий раз сниму без урны».

«Там ещё дверь перекрывает часть текста».

«Дверь была раньше, чем афиша».

«Никаких оправданий».

«Понял, начальник».

Я улыбнулась экрану и снова открыла техническое задание. Плюш уже забрался на стул, где лежал мой кардиган. Я переложила его на диван. Кот перевернулся на бок и сделал вид, что его тут никогда не было.

Вечером я ответила Марине, что готова выполнить тестовое. Попросила уточнить один пункт о стиле персонажей, и она прислала несколько референсов. Посмотрев их, я заметила, что там всё-таки имелось в виду: простые формы, ограниченная палитра, без мелких текстур. Никакой загадки.

Я открыла новый документ и начала с набросков. В первом варианте девочка стояла у автобусной остановки, во втором — сидела на скамейке с рюкзаком, в третьем — держала в руках складную карту. К третьему я вернулась после того, как кот сбросил карандаш со стола. Он катился по полу, Плюш погнался за ним, я встала, чтобы поймать карандаш, и случайно задела лист. На бумаге остался длинный след от графита. Я не стала его стирать. Линия прошла вдоль рукава девочки и неожиданно сделала позу живее.

Я закончила работу только в половине первого. Вместо

того чтобы сразу отправить файл, поставила будильник на семь утра и сохранила проект в двух местах. Потом закрыла планшет. Плюш сидел на коврике рядом с дверью спальни. Он всегда занимал это место, когда я задерживалась допоздна, хотя потом делал вид, что ждал вовсе не меня.

— Я всё, — сказала я.

Он поднялся и пошёл к миске.

Во вторник утром я открыла рисунок на большом экране. На нём всё было в порядке, кроме руки с картой: пальцы получились слишком одинаковыми. Я поправила их, ещё раз проверила размер и экспортировала файл. В письме Марине написала: «Добрый день, прикрепляю тестовое задание. Буду рада обратной связи». Проверила вложение и отправила.

Через минуту мне захотелось отправить вдогонку пояснение, что я не совсем закончила, потому что могла бы улучшить фон. Я открыла письмо, посмотрела на отправленный файл и закрыла почту.

В кофейню я пришла вовремя. Даже не за полчаса. Светлана Сергеевна заметила это, когда я вошла в служебное помещение.

— Сегодня у нас что, новый режим?

— Я задержалась дома.

— На целых десять минут?

— Я не опоздала.

— Нет. Просто обычно ты появляешься раньше, чем открывается дверь.

Я повесила куртку. В правом кармане лежал маленький пакетик с лакомствами для Плюша, который я забыла достать. Переложила его в сумку.

На смене я несколько раз брала телефон в руки. Письма от Марины не было. После обеда я убрала его в ящик и достала только в перерыв. Никаких новых сообщений.

Артём пришёл за двадцать минут до закрытия. Заказал обычный капучино и булочку с корицей. Я поставила чашку на стойку.

— Как прошло? — спросил он.

— Что именно?

— Ты сегодня не отвечала на мою фотографию с урной, значит, занята чем-то важным.

— Я отправила тестовое задание в студию.

Он помолчал, не вставляя туда готовое «молодец», и я оценила это больше, чем стоило бы.

— Какое задание?

— Иллюстрация для приложения. Шесть картинок, но сначала маленькая проба. Она оплачиваемая.

— Круто. Ты хотела такую работу.

— Да. Но это пока ничего не значит.

— Значит, что ты отправила работу и не бросила на середине.

Я взяла его деньги и открыла кассу.

— Это можно считать результатом?

— Можно. Ты ведь не спрашивала, возьмут ли тебя. Ты

спросила, можно ли считать результатом то, что отправила. Можно.

Я положила сдачу на блюдце. Он взял её, но не убрал в карман. Крутил монету между пальцами.

— Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — спросила я.

— Только когда это помогает.

— Не помогает.

— Тогда прекращаю.

Он забрал стакан и пошёл к столику у окна. Булочку оставил на стойке.

— Ты её забыл, — крикнула я.

— Я думал, ты принесёшь. Ты же тут работаешь.

— Я работаю за стойкой, а не разношу заказы.

— Ладно, заслужил. — Он вернулся, забрал булочку и улыбнулся. — Официально больше не забываю.

— Я запомню.

— Вот поэтому я и не забываю.

Он занял место у окна. Я протёрла кофемашину, долила молоко и перед закрытием вынесла ему салфетки. Он упаковал половину булочки и сказал, что отдаст другу, который сегодня опять забыл поесть. Я спросила, не лучше ли было бы самому напомнить ему, а не приносить остатки.

— Я пробовал. Он сказал, что «потом», а потом купил энергетик.

— Вот это совершенно не то же самое, что поесть.

— Да. Я уже прочитал лекцию.

— И помогло?

— Нет.

— Тогда завтра попробуй принести ему бутерброд.

— Это уже вмешательство.

— А булочка — не вмешательство?

— Булочка по документам десерт.

Я улыбнулась, вытирая стойку. Он допил кофе и вынес чашку к мойке, хотя я сказала оставить. Ставя её на поднос, он едва не задел пачку салфеток локтем. Пачка съехала, но не упала.

— Чуть не устроил катастрофу, — сказала я.

— Хорошо, что ты рядом.

— За стойкой всегда кто-то рядом.

— Но только ты заметила салфетки.

— Они были на виду.

Он не стал продолжать. Я посмотрела на него, ожидая очередной шутки, но он уже натягивал куртку.

— Увидимся, — сказал он.

— Пока.

Когда за ним закрылась дверь, я поставила чашки в мойку и отмыла стойку. Светлана Сергеевна ушла раньше, оставив мне список, что проверить перед закрытием. В нём было шесть пунктов, четыре я сделала сразу, два отметила галочкой после того, как проверила. У выхода я заметила, что забыла зарядку на подоконнике. Вернулась, взяла её, включи-

ла сигнализацию и только потом закрыла дверь.

Дома Плюш ждал у миски. Я покормила его, переоделась и снова открыла почту. Ответа от Марины не было. Я закрыла вкладку, не обновляя страницу.

За ночь ничего не изменилось. В среду утром я сделала себе бутерброд и не доела его, потому что отрезала слишком большой кусок. Положила остаток в контейнер, убрала в холодильник. В метро женщина рядом листала видео со звуком. Мужчина напротив заснул, уронив подбородок на шарф. Я ехала до своей остановки и держала сумку обеими руками, чтобы не мешать никому.

В обед пришло сообщение: «Ника, спасибо за тестовое. Нам понравилась композиция и то, как вы решили карту. Хотим предложить вам проект. Можем обсудить условия завтра в студии? В 12:00 удобно?»

Я перечитала его, а потом закрыла уведомление, потому что стояла перед клиентом с двумя латте.

— Ника, а ваш сироп мятный? — спросил мужчина.

— Да.

— Тогда один латте с мятой.

Я нажала нужную кнопку и поставила чашки на поднос. Молочная пена в одном стакане осела, пока я отвлеклась. Я сделала новый, вытерла каплю с края и отдала заказ.

Только после этого достала телефон. Ответила Марине, что завтра могу приехать к двенадцати, и уточнила адрес. Затем написала Лере: «Они хотят предложить проект. Зав-

тра встреча».

Лера прислала три сообщения подряд: «Ты идёшь». «Ты слушаешь условия». «Ты не говоришь “да” только потому, что неловко». Я ответила: «Я и так собиралась». Она прислала смайлик с поднятым большим пальцем.

Вечером я достала из шкафа серую рубашку. Проверила воротник, нашла на манжете маленькую затяжку и заправила её иголкой. Потом положила рубашку на спинку стула. Плюш посмотрел на неё и полез сверху.

— Нет. Это одежда на завтра.

Он остался лежать. Я сняла его, сложила рубашку и повесила на дверцу шкафа. Потом написала Артёму, что завтра встречаюсь со студией.

«Поздравляю» — ответил он.

«Пока не с чем».

«Есть. Ты дошла до встречи».

Я набрала: «Не сглазь», но стерла. Написала: «Потом расскажу, как прошло».

«Буду ждать».

Я убрала телефон. На столе лежал контейнер с недоеденным бутербродом. Я достала его из холодильника, переложила в тарелку и съела, пока грела суп. Потом проверила Плюшу когти, наполнила его миску водой и достала документы на случай, если Марина спросит о договорах или оформлении.

Перед сном я посмотрела на серую рубашку, теперь вися-

щую на дверце шкафа, и на сумку у входа. На телефоне стоял будильник на 8:10. Я выключила свет.

Плюш зашуршал наполнителем в лотке, потом вышел и лёг у двери спальни. Я слышала, как он устраивается: короткий стук лап, шорох, тихий вздох. Утром мне предстояло ехать в студию, говорить о деньгах и сроках и не соглашаться на то, чего я не понимала.

Я повторила про себя только последнюю часть. Остальное было в списке на бумаге.

Глава 7. Условия

В среду я вышла из дома в девять двадцать, хотя встреча была назначена на двенадцать. В метро застряла на станции: поезд стоял с открытыми дверями, и диспетчер ровным голосом сообщил, что задержка продлится «несколько минут». Я достала телефон, чтобы проверить маршрут, и увидела, что до студии всё ещё сорок минут. Убрала его обратно.

Плюш успел стащить с кухонного стола резинку для волос и загнать её под холодильник. Я вытащила резинку линейкой, промыла, положила в сумку. На выходе проверила, выключен ли утюг, хотя утюгом не пользовалась с воскресенья.

Студия «Линия» находилась на втором этаже старого дома возле набережной. На первом были магазин тканей и ремонт обуви. Я прошла мимо входа два раза, прежде чем заметила маленькую табличку у двери: чёрные буквы на белом пластике, без логотипа и стрелки. В подъезде пахло пылью, сырой штукатуркой и чьим-то обедом. Лифт не работал, поэтому я поднялась пешком и остановилась перед дверью, чтобы снять с рукава тонкую белую шерсть. Плюш оставил её на пальто утром.

Я нажала звонок. Открыла девушка с короткими тёмными волосами и карандашом за ухом.

— Ника?

— Да.

— Я Марина. Проходи. Чай, кофе?

— Спасибо, я недавно пила.

— Я тоже. Но всё равно налью себе, так что передумаешь — скажешь.

Внутри было светлее, чем в подъезде. Вдоль стены стояли полки с книгами и коробками бумаги, у окна — большой стол с двумя мониторами. На подоконнике лежал старый фотоаппарат, рядом стояла чашка с засохшим чайным пакетиком. Марина махнула на свободный стул и убрала с него папку.

— Извини, у нас тут творческий порядок. Если что-то упадёт, оно, скорее всего, уже упало вчера.

Я села, положив сумку на колени.

— Я думала, что будет хуже.

— Хуже в какой части?

— Не знаю. Больше проводов.

Марина посмотрела на клубок кабелей под столом.

— Проводов у нас достаточно. Просто они спрятаны.

Она достала распечатанное тестовое задание и положила рядом с ноутбуком. На полях стояли отметки ручкой. Я узнала собственную иллюстрацию по углу страницы и невольно придвинула лист к себе.

— Мы с коллегой посмотрели тестовое, — сказала Марина. — Решение с картой удачное. Ты оставила место, куда можно добавить подпись, если понадобится. И при этом не пусто.

— Я сначала хотела сделать фон подробнее. Но в задании было про ограниченную палитру.

— Хорошо, что не стала. Мы ищем не иллюстрации в вакууме, а картинки, которые будут работать внутри экрана. Пользователь должен быстро понять, где он и что происходит. У тебя получилось.

Я посмотрела на распечатку. В увеличенном виде ладонь всё ещё казалась неуклюжей. Я подумала, что надо было поправить большой палец. Потом заметила, что Марина уже перевернула лист и открыла на ноутбуке следующую страницу.

— Проект для приложения. Раздел о городской среде, шесть иллюстраций. Срок — три недели с момента старта. Вот короткое описание: школьница проходит маршрут от дома до библиотеки, по пути обращает внимание на переходы, остановку, двор, шум и зелёные зоны. Не учебник по правилам дорожного движения, скорее маленькая история с заданиями.

На экране были заметки и скриншоты макета. Я придвинулась, чтобы рассмотреть. Текст занимал правую часть страницы, иллюстрации должны были быть квадратными и помещаться на телефоне. У каждого кадра была собственная тема, но героиня во всех оставалась одна и та же.

— У вас уже есть персонаж? — спросила я.

— Пока нет. Мы хотим создать его вместе с иллюстратором. Не надо усложнять: подросток, обычная одежда, рюк-

зак, несколько отличительных деталей. Без яркого костюма и без карикатурных эмоций.

— Есть возраст?

— Примерно двенадцать-тринадцать.

Я записала. Марина пролистнула файл и открыла таблицу с этапами.

— Два дня на эскизы персонажа, потом согласуем облик. Дальше черновые композиции для шести сцен, одна общая правка, цвет, финальные файлы. Если выяснится, что в макете что-то поменялось, отдельно посмотрим, что можно перенести.

Я тоже посмотрела на таблицу. Рядом с этапами стояли даты. На ближайшие три недели у меня были две длинные смены и несколько коротких. Я представила, как буду приходить домой, кормить Плюша и садиться за планшет. В первый день это казалось вполне выполнимым. На третий — уже нет.

— Могу я спросить про правки? — сказала я.

— Конечно.

— В предложении одна общая правка после черновых композиций. Если я неправильно пойму описание сцены, это входит туда. А если после согласования эскизов поменяется сама задача — это отдельная работа?

Марина кивнула.

— Да. Если это наша ошибка или новое пожелание, мы отдельно обсуждаем сроки и оплату. Если правка нужна по-

тому, что ты пропустила пункт из задания, тогда сначала посмотрим на ситуацию. Но мы не хотим держать художника на бесконечной бесплатной доработке. Я сама так работала, мне хватило.

— Спасибо.

Я записала это на полях. Почерк у меня вышел слишком мелким, будто вопрос был стыдный.

— По оплате, — продолжила Марина, — за весь проект предлагаем двадцать восемь тысяч. Треть после подписания договора, остальное после передачи финальных файлов. Тестовое оплачиваем отдельно, независимо от того, договоримся ли мы о проекте.

Я не сразу ответила. Сумма была больше, чем я получала за две недели в кофейне, но меньше, чем я ожидала бы за шесть полноцветных иллюстраций, если бы уже умела называть свою цену. Я не знала, дорого это или нет. В голове всплыл поиск в интернете, где на форуме один человек написал «нормальная цена — от пяти тысяч за картинку», а другой ответил «зависит от того, кто вы и кому продаёте». Восемь вкладок, ни одной цифры, которой я доверяла.

— Вы рассчитывали на другую сумму? — спросила Марина.

Я посмотрела на лист. Не хотелось говорить «нет» просто потому, что я боялась торговаться.

— Я хотела уточнить, в эту сумму входит использование иллюстраций только в приложении или ещё рекламные ма-

териалы?

— Приложение и промоматериалы к запуску в соцсетях. Наружная реклама, печатные рабочие тетради и дальнейшее использование в других проектах — отдельно. Мы не забираем исключительные права на всё, что ты нарисовала. В договоре будет прописано, где и сколько времени можем использовать результат.

— А исходники тоже нужны?

— Нет. Нужны финальные файлы в нужном размере и прозрачные версии героини, если ты будешь рисовать её отдельно. Рабочие слои оставляешь себе.

Я не записала это сразу. Потом всё-таки записала. Марина не торопила меня и не заполняла паузу словами. Из соседней комнаты послышался короткий звонок, и кто-то громко спросил, где лежит синяя папка. Марина ответила: «Под красной». Папка, судя по следующей реплике, оказалась под серой.

— Я не против обсуждать сумму, — сказала Марина, возвращаясь к столу. — Если у тебя есть предложение, давай.

Я поправила ручку на листе.

— Можно двадцать две тысячи авансом и остальное после финальных файлов?

Она посмотрела в таблицу.

— Мы можем сделать сорок процентов после договора и шестьдесят после приёмки. Аванс получится чуть больше одиннадцати тысяч. Для первого проекта с нами это нор-

мально.

— А приёмка — это после того, как вы подтвердите, что файлы подходят по техническим требованиям?

— Да. Не после запуска приложения. Если размеры, формат и сами иллюстрации соответствуют согласованному варианту, платим остаток в течение пяти рабочих дней.

Я провела ногтем по бумажному краю. Мне хотелось спросить, можно ли получить аванс до начала работы, но это уже было предложено. Я хотела спросить, что произойдёт, если они будут держать файлы месяц, но в договоре, скорее всего, будет срок. Спросила.

— Десять рабочих дней на проверку, — сказала Марина. — Если мы не отвечаем, работа считается принятой. Я могу внести это условие.

— Хорошо.

Мне стало легче от того, что она не сказала «ну это стандартно» и не отмахнулась. Мы ещё раз прошлись по срокам и договорились, что первый этап — эскизы персонажа — я пришлю в пятницу до конца дня. После утверждения облика сделаю черновые композиции. На всё остальное оставалось две с половиной недели.

— Я могу взять эту работу, — сказала я. — Только у меня остаётся смена в кофейне. По графику смогу заниматься вечером и в выходные. Если вам нужен человек, который будет на связи весь день, не получится.

— Нам не нужен человек, который всегда на связи. Нам

нужны понятные сроки и предупреждение, если что-то сдвигается. Ты же не пропадёшь на неделю, а потом пришлёшь письмо «ой».

— Не пропаду.

— Тогда это решаемо. Я отправлю проект договора сегодня, посмотришь спокойно. Если всё ок, подписываем. Если нет — пиши замечания.

Марина потянулась к чашке, нашла её пустой и посмотрела на чайный пакетик, который утром оставила на подоконнике.

— Я так понимаю, кофе тебе всё-таки предлагать уже поздно.

— Я могу выпить.

— Вот и договорились. На кухне есть растворимый и нормальный. Нормальный — это вчерашний фильтр, но он в холодильнике.

— Тогда растворимый, пожалуйста.

Она поднялась. Я свернула лист с заметками и убрала его в блокнот. На моём телефоне была открыта фотография Плюша, который вчера спал на моей серой рубашке. Я сделала её, чтобы отправить Лере, но не отправила. Экран погас.

Марина принесла две кружки и сахарницу с отломанной крышкой. В чайнике было немного воды, и ей пришлось доливать. Мы подождали, пока он закипит, стоя рядом с кухонной стойкой.

— Ты сама рисуешь давно? — спросила она.

— С детства. Но последние годы в основном училась. В университете были проекты, там всё было по брифу.

— Тебе нравится работать по брифу?

— Если он понятный.

— А если непонятный?

— Сначала я переживаю, потом задаю вопросы.

— Отличный порядок. Многие сначала рисуют десять часов, а потом спрашивают, почему клиент хотел голубой автобус.

— Я тоже так делала.

— И сколько раз?

— Один раз.

— Тогда мы будем считать, что это случилось с кем-то другим.

Я засмеялась, неловко закрыв рот ладонью. Кофе был горячим и пах так, будто в его основе лежали сразу три разных сорта, ни один из которых не дружил с остальными. Я всё равно выпила половину.

— Тебе удобно добираться? — спросила Марина, пока я ставила кружку на стол.

— Да. Две остановки на метро и потом пешком.

— Если будем встречаться по ходу проекта, не обязательно ездить сюда. Можно созваниваться. Мы не привязываем людей к офису, просто я люблю на старте видеть человека и понимать, как он думает.

— Я тоже. В переписке некоторые вопросы выглядят глу-

пее, чем вслух.

— А некоторые, наоборот, легче написать.

Я кивнула. На обратном пути в метро у меня в сумке лежала распечатка задания, блокнот с пометками и визитка Марины. Визитка была простой, без должности и без телефона, только почта и сайт студии. Я пересчитала листы дважды, хотя их было всего четыре.

На улице шёл мелкий дождь. Я натянула капюшон и остановилась у перехода. На другой стороне девушка в жёлтой куртке кормила голубей кусочками хлеба. Один голубь ходил вокруг неё с видом сотрудника, который проверяет качество поставки.

Телефон завибрировал. Артём спросил: «Ну что?» Я набрала: «Пока ничего не подписала». Потом добавила: «Но договорились о проекте, если условия меня устроят». Он ответил: «Это уже что-то».

«У них шесть иллюстраций для приложения. Про городскую среду».

«Ты будешь рисовать карты?»

«Не знаю. Девочку с рюкзаком, переходы, остановку. Может, карту».

«Тебе подходит».

Я посмотрела на экран. «Подходит» было не комплиментом и не обещанием. Просто короткая фраза, которую можно было принять без споров.

«Я ещё договор не прочитала», — написала я.

«Прочитай. Потом скажешь, что подходит».

Я убрала телефон. На переходе загорелся зелёный, люди двинулись с места, и я пошла вместе с ними. В голове уже перемешались фразы из разговора: сорок процентов, пять рабочих дней, десять на проверку, пятница, персонаж, ограничения по цвету. Я достала блокнот и на первой свободной странице написала «Пятница: эскизы». Подчеркнула один раз.

В кофейню я зашла перед сменой, чтобы сказать Светлане Сергеевне, что в ближайшие недели у меня появился дополнительный проект. Она выслушала меня, не перебивая, потом спросила, будут ли изменения в расписании.

— Возможно, попрошу несколько раз поменяться, если понадобится.

— Попроси заранее. Если будут дедлайны, не соглашайся на чужие смены по привычке.

— Я не соглашалась.

— Ты в прошлом месяце три раза закрывала за Лерой, хотя говорила, что у тебя дипломная.

— Я успевала.

— Не всегда. Ты однажды уснула на стуле в подсобке с тетрадью на лице.

— Это была однажды.

— Я не собираюсь запрещать тебе работать. Просто говорю: если берёшь заказ, он тоже работа. Не ставь его после всего остального.

Я подумала о том, как у меня на кухне стоит коробка с карандашами, заваленная чеками и кормом. В пятницу надо прислать эскизы, а в четверг у меня смена до позднего вечера.

— Я попробую перестроить график.

— Не «попробую», а сначала посмотри расписание. Лера, кажется, хотела поменяться на выходные.

— Я напишу ей.

Светлана Сергеевна налила себе чай, обхватила чашку ладонями и посмотрела на меня поверх края.

— И не покупай сразу себе новый планшет.

— Я не собиралась.

— У меня тоже с первого заказа рука тянулась купить кофемолку получше. Покупай, когда поймёшь, что старая мешает зарабатывать.

— Я рисую на планшете, который у меня уже есть.

— Вот и отлично. Останется больше денег на кота.

Я убрала сумку в шкафчик и переоделась. Перед тем как выйти в зал, проверила, что визитка Марины лежит в блокноте, а блокнот — в сумке. Потом включила кофемашину.

На второй половине смены пришёл Артём. Не на мотоцикле — я заметила, что он пришёл пешком и оставил капюшон мокрым. Заказал чёрный чай и булочку с корицей, потом посмотрел на меня, ожидая, пока я закончу с девушкой у кассы.

— Ты уже была в студии? — спросил он.

— Да.

— И?

— Мне предложили проект. Договор пришлют. Я сначала его прочитаю, потом решу.

— Звучит разумно.

— Там сроки короткие. Шесть иллюстраций за три недели. Первые эскизы в пятницу.

— А у тебя когда смены?

Я объяснила расписание. Он достал из кармана телефон и открыл календарь.

— У меня в четверг репетиция, во вторник запись. А в среду свободен. Если тебе надо будет отвлечься от планшета, можем пройтись.

— Это предложение встретиться или ты опять просишь отчёт по коту?

— Я могу совместить.

— Нет, я серьёзно.

Он убрал телефон.

— Предложение встретиться. Без отчёта. Если тебе будет не до этого, ничего страшного.

Я взяла его оплату и пробила чек. Мятая купюра не хотела ложиться в кассу, пришлось расправить её пальцем.

— Я посмотрю, как пойдут эскизы, — сказала я.

— Хорошо.

Он не переспросил и не стал уговаривать. За это я была ему благодарна, хотя не собиралась об этом говорить. Поста-

вила чай и булочку на поднос.

— Ты могла бы просто сказать, что не знаешь, — добавил он.

— Я и сказала.

— Да. Просто с планом на будущее.

— У меня план на всё.

— Кроме того, как не уронить булочку.

Он задел поднос локтем, и корица посыпалась на стойку.

— Справедливо, — сказал он.

Я протёрла стойку салфеткой. Артём сел у окна, достал наушники и включил что-то тихо. Временами он смотрел на улицу, а не на телефон. Я не знала, почему обратила на это внимание. Потом заказала себе чай, потому что кофе уже было слишком много, и насыпала на него немного сахара.

Когда он уходил, я была занята закрытием кассы. Он поднял пустую чашку, подошёл к мойке и поставил её на поднос. Не задел салфетки.

— Сегодня без происшествий, — сказала я.

— Прогресс.

— Не привыкай.

— Уже поздно.

Вечером Марина прислала договор и смету. Я открыла файл на телефоне, но сразу закрыла. Читать договор в метро было плохой идеей: я не могла выделить нужный пункт, рядом кто-то громко обсуждал отпуск, и интернет пропадал между станциями. Дома я посадила Плюша на пол, убрала

пальто и открыла файл на ноутбуке.

В договоре было шесть страниц. Я медленно прошла весь текст, подчёркивала вопросы в распечатке и сверялась с письмом. Условия по срокам совпадали. Было прописано, что права на использование передаются студии для приложения и промоматериалов на один год. Я перечитала этот пункт и написала Марине, правильно ли понимаю, что печатные материалы в него не входят.

Она ответила через двадцать минут: «Да, всё верно. Если решим делать рабочую тетрадь, подпишем дополнительное соглашение. Я добавлю фразу, чтобы это было очевиднее».

Я обновила документ, проверила новую версию и поставила подпись. Потом загрузила файл в форму для электронного подписания, перечитала имя, адрес и дату рождения. На последней странице нажала кнопку и получила копию на почту.

В сообщениях от мамы было: «Ну как прошла встреча? Не хотела отвлекать». Я открыла переписку, закрыла, потом всё же набрала её номер. Она ответила после второго гудка.

— Я подписала договор, — сказала я.

— Уже? Тебе понравились условия?

— Да. Я спросила про права, сроки, аванс. Они поправили формулировку в договоре.

— Умница. Я знала, что ты разберёшься.

Мама говорила это без торжества, просто между делом, пока, судя по звуку, ставила что-то на стол. Я покрутила руч-

ку от кружки. На экране документа рядом с моей подписью стояла подпись Марины.

— Работа оплачиваемая, — добавила я. — Шесть иллюстраций. Пока только этот проект.

— А сколько платят?

Я назвала сумму. Мама сказала, что это прилично, а потом спросила, не нужно ли мне купить новый планшет или монитор.

— Не нужно. На том, что есть, можно работать.

— Если не будет хватать, скажи. Мы можем помочь.

— Я знаю.

— Я не про то, чтобы ты возвращала деньги. Просто если понадобится, не мучайся одна.

Я посмотрела на коробку с кормом возле шкафа. На наклейке была скидка, которую я заметила только после покупки. На кухне в раковине стояла чашка. Плюш грыз картонную бирку от когтеточки.

— Если понадобится, скажу, — ответила я. — Но пока справляюсь.

— Хорошо. Только не работай ночами, ладно? Ты опять звучишь так, будто уже забыла, что надо спать.

— Я сегодня лягу до полуночи.

— Вот это уже конкретно.

— Не обещаю, что получится.

— Тогда обещай, что попробуешь.

— Попробую.

Мама попрощалась и передала трубку папе. Он спросил, можно ли будет увидеть рисунки, когда я закончу. Я сказала, что покажу. Он пожелал удачи и добавил, что если им понадобится что-то для приложения, он сможет проверить текст на ошибки.

— Пап, там городская среда, не инструкция к пылесосу.

— Тем более. Вдруг там тоже запятые.

Я улыбнулась. Потом положила телефон рядом с ноутбуком и вернулась к договору. Цифры не изменились. Подпись тоже. Плюш в это время пытался поймать курсор на экране. Я убрала руку от мыши, чтобы он не утащил её лапой.

— Всё. Есть договор.

Он прыгнул на стол, обошёл клавиатуру и лёг рядом с моим локтем.

Я открыла пустой холст. Впереди были эскизы героини, которой я ещё не знала. Я набросала несколько вариантов рюкзака, потом открыла задание и сверила возраст. На одном варианте девочка выглядела старше, на другом — слишком маленькой. Третий был похож на всех и ни на кого. Я сохранила его в отдельный слой и назвала «не выбрасывать пока».

Телефон завибрировал. От Артёма: «Ты сегодня весь день в студии была?»

«Нет, только час. Потом работа».

«Устала?»

Я посмотрела на слои, на кружку с холодным чаем и на

Плюша, который занял половину коврика для мыши.

«Немного».

«Тогда не рисуй до трёх ночи».

«Я не обещаю».

«Это не просьба. Это здравый смысл».

«Он у меня занят».

«Передай ему, что я звонил».

Я прислала фото Плюша: кот лежал боком на коврике и прижал лапой край блокнота. Артём ответил снимком своей кружки с надписью «мне нужен кофе». Она стояла на полу возле дивана, а рядом валялась гитарная струна.

«У вас с Плюшем похожий порядок», — написала я.

«У него порядок лучше».

Я засмеялась, хотя дома была одна. Потом вернулась к холсту и передвинула рюкзак на несколько пикселей. Для первого дня хватит. Я закрыла планшет в одиннадцать сорок, поставила будильник на семь и пошла убрать со стола. Карандаши сложила в стакан, договор положила в папку, визитку Марины приклеила к внутренней стороне блокнота, чтобы не потерять.

Плюш запрыгнул на стул и уронил резинку для волос. Я подняла её и положила в ящик.

— Эту я уже отвоевала.

Он провёл лапой по сиденью, занял моё место и свернулся клубком.

Я оставила его там и пошла спать. На завтра оставалось

закончить эскизы персонажа. На пятницу — отправить. На следующую неделю — придумать, как из шести отдельных сцен сделать историю, а не шесть картинок для отчёта.

Глава 8. Фотографии без повода

В четверг я открыла планшет сразу после завтрака и обнаружила, что Плюш уснул на моей руке. Он умудрился устроиться между запястьем и краем стола, пока я набрасывала рюкзаки. Я попробовала осторожно вытащить ладонь. Кот перекатился на бок, обнял её обеими лапами и продолжил спать.

— Мне нужно рисовать.

Он не ответил. Я подвинула лист бумаги к себе другой рукой. Через пару минут Плюш проснулся, посмотрел на мои линии, наступил на угол эскиза и ушёл пить.

На столе лежали три варианта героини. В первом у неё была длинная чёлка и слишком большая куртка. Во втором я добавила на рюкзак нашивки и поняла, что это уже тот самый мелкий декор, которого Марина просила избегать. Третий был проще: короткие волосы, широкие брюки, обычный рюкзак с брелоком в виде маленького автобуса. Я не могла понять, не слишком ли он скучный.

Я подвинула лист ближе к окну. В дневном свете героиня выглядела не скучной, а спокойной. Это отличалось от того, как я представляла «современного подростка», когда читала бриф. В моей голове сразу возникли яркие кроссовки, значки, наклейки на чехле телефона. Но в приложении персонаж должен был помещаться на небольшом экране и не отвлекать

от задания. Я убрала две нашивки и оставила брелок.

Потом начала третий вариант заново в графическом редакторе. У меня всё ещё оставалось время, но я уже знала, что если буду переделывать его до пятницы, то утром начну сомневаться в простых вещах: где линия плеча, какая длина рукава, куда смотрит девочка. На бумаге я написала рядом с планшетом: «Пятница. Отправить до 17:00». Подчеркнула время и положила ручку под лист, чтобы Плюш не утащил её.

На смену я пришла за двадцать минут до начала. Лера уже стояла у стойки и разбирала пачку салфеток. Она переодевалась в подсобке, когда я вошла.

— Ты как? — спросила она.

— Успела нарисовать два варианта.

— Ты сейчас про проект или про кота?

— Про проект. Кот сегодня только раз испортил один лист.

— Значит, проект идёт хорошо.

Она затянула фартук и посмотрела на мою сумку.

— Ты принесла рисунки?

— Они на планшете.

— Я не буду смотреть, пока ты сама не попросишь.

— Спасибо.

— Но если опять скажешь, что «всё плохо», я спрошу, что именно плохо. Так что заранее подготовь конкретный ответ.

Я улыбнулась и пошла проверять кофемашину. В зале

пахло корицей и моющим средством. Кто-то оставил на столе смятую салфетку с нарисованным домиком; уборщица уже подошла с тряпкой, но я успела заметить, что у домика была труба с дымом и четыре окна, хотя дом был крошечный.

Рабочий день тянулся через очередь, звонки и два заказа на капучино с сиропом, которого у нас не было. В перерыве я открыла планшет и увеличила портрет героини. В профиль её подбородок выглядел слишком острым. Я смягчила линию. Потом убрала серьгу, потому что она не добавляла ничего, кроме ещё одной детали. Снова добавила. Удалила.

— Ты опять с ней споришь? — спросила Лера, заглянув из-за стойки.

— Она не хочет определяться.

— Ты ей имя уже придумала?

— Нет.

— Тогда рано спорить. Пусть сначала познакомитесь.

Я выключила экран и вернулась к заказам. Когда смена закончилась, за окном уже темнело. Я убрала фартук в шкафчик, проверила, что не забыла наушники, и пошла домой пешком, хотя обычно ехала одну остановку на автобусе. Голова после кофемашины звенела, но идти было легче, чем снова стоять в транспорте между чужими плечами.

Дома Плюш сидел в картонной коробке, которую я собиралась вынести. Он поднял голову, когда я вошла, и не стал вставать. Я положила ключи на полку, сняла пальто и доста-

ла телефон. В сообщениях с Артёмом последнее было отправлено утром: он прислал фотографию дождливого окна из студии, я ответила, что погода подходит его музыке.

Я сфотографировала Плюша в коробке. Он выглядел так, будто сам выбрал эту коробку в каталоге и теперь оценивает доставку. К фотографии я ничего не написала. Палец завис над кнопкой отправки, и я уже собиралась закрыть чат, когда сообщение ушло.

Артём ответил через пару минут: «Заявка на заселение в новый дом одобрена?» Я посмотрела на кота. Он зевнул и улёгся глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.